

А. Ю. Андреев

РОССИЙСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ
XVIII — первой половины XIX века
В КОНТЕКСТЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ
ИСТОРИИ ЕВРОПЫ

Андрей Андреев

**Российские университеты
XVIII – первой половины
XIX века в контексте
университетской истории Европы**

«Языки Славянской Культуры»

2009

Андреев А. Ю.

Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы / А. Ю. Андреев — «Языки Славянской Культуры», 2009

Как появились университеты в России? Как соотносится их развитие на начальном этапе с общей историей европейских университетов? Книга дает ответы на поставленные вопросы, опираясь на новые архивные источники и концепции современной историографии. История отечественных университетов впервые включена автором в общеевропейский процесс распространения различных, стадияльно сменяющих друг друга форм: от средневековой («доклассической») автономной корпорации профессоров и студентов до «классического» исследовательского университета как государственного учреждения. В книге прослежены конкретные контакты, в особенности, между российскими и немецкими университетами, а также общность лежавших в их основе теоретических моделей и связанной с ними государственной политики. Дискуссии, возникавшие тогда между общественными деятелями о применимости европейского опыта для реформирования университетской системы России, сохраняют свою актуальность до сегодняшнего дня. Для историков, преподавателей, студентов и широкого круга читателей, интересующихся историей университетов.

© Андреев А. Ю., 2009

© Языки Славянской Культуры, 2009

Содержание

Введение	5
Глава 1	33
Европейский университет как средневековая привилегированная корпорация	33
Университеты Священной Римской империи германской нации в XIV–XV вв.	42
Немецкие университеты и Реформация	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Юрьевич Андреев

Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы

Введение

История университетского образования в России представляет собой одно из важных направлений, которое активно исследуется в современной историографии. Его актуализации на рубеже XX–XXI вв. способствовала череда юбилеев старейших российских университетов и подготовка в связи с этим ряда обобщающих трудов как по истории отдельных университетов, так и по проблемам складывания университетской системы в России в целом. Эти исследования имеют тем большее значение в свете поиска путей дальнейшего развития отечественной высшей школы, который ведется в настоящее время.

Многие из трудностей, с которыми сталкивается это развитие сейчас, уходят своими корнями в историю. При этом неизменной актуальность сохраняют вопросы о своеобразии российских университетов и их соотношении с опытом Европы. Это, в свою очередь, привлекает внимание к изучению истоков университетского образования в России, а также к более тщательному исследованию тех эпох, в которые уже происходило взаимодействие российского и европейского высшего образования, и тех результатов, к которым оно привело.

Между тем, сравнительный аспект в исследованиях по истории российских университетов использовался до сих пор явно недостаточно. К сожалению, в историографии еще в начале XX в. возникла традиция, согласно которой история отечественных университетов оказалась жестко привязана к истории общественной жизни России, ее «прогрессивным» или «реакционным» периодам и фактически исключена из общего хода истории европейских университетов, приобретя изолированный, «самодостаточный» характер. На современном этапе очевидна необходимость преодоления этой тенденции, и поэтому важно сопоставить результаты изучения истории российских университетов с общими выводами европейской исторической науки.

Это тем более актуально сейчас, поскольку историография истории европейского университетского образования на рубеже XX–XXI вв. сделала качественный скачок вперед. Он был связан с появлением работ, изучающих высшие учебные заведения не по отдельности, как было раньше (обычно в связи с празднованием очередного юбилея), а в совокупности, в масштабах отдельных стран, регионов, и даже всей Европы. Эти работы синтезировали исторические методы исследования с социологическими и культурологическими, и в результате с их помощью были выявлены общие закономерности и этапы формирования европейского университетского пространства, проанализированы различные стороны взаимодействия университетов с обществом и государством, общие черты их внутренней и внешней организации, отражение в судьбе университетов господствующих идей различных эпох, будь то Реформация или Просвещение.

Наиболее крупным и фундаментальным исследованием такого рода явилось многотомное издание «История университета в Европе» (главный редактор – профессор В. Рюгг, Швейцария). Этот проект был задуман по решению Постоянной конференции ректоров, президентов и вице-канцлеров европейских университетов (в настоящее время – Европейской ассоциации университетов, EUA) в 1983 г. и выполнялся, большей частью, во второй половине 1980-х гг., хотя выход отдельных томов из печати растянулся вплоть до самого недавнего вре-

мени¹ (эта особенность объясняет, почему в данном издании не могли отразиться результаты новых, вышедших за последние двадцать лет исследований по истории университетов в России, о которых речь пойдет ниже). Ведущие авторы, участвовавшие в проекте, продолжают публиковать свои исследования в трудах Общества по истории университетов и науки (GUW), тома которых посвящены изучению отдельных проблем университетской истории: распространению «университетских моделей», финансированию университетов, процедуре академической квалификации и др.² Полученные здесь достижения имеют общетеоретическое значение. Они позволили нарисовать общую картину развития европейских университетов и, соответственно, указать место, которое в ней занимал каждый конкретный университет или их группа.

В целом, процесс возникновения университетов в разных странах Европы сейчас представлен как распространение («экспансия») определенных образцов высшего образования. Начавшись на юге Европы, в Италии и Франции, он с каждым столетием увеличивал охват территории, постепенно включая в себя Германию, Польшу, Прибалтику, страны северной Европы и, наконец, Россию. Действительно, из Центральной Европы в Россию в конце XVII–XVIII вв. пришло само представление об университете как об особом образовательном институте, призванном найти свое место в русском обществе.

Поэтому история российских университетов в первые десятилетия после их возникновения – это история адаптации европейской «университетской идеи» к условиям российской цивилизации. Среди всех инноваций, утвердившихся в России после петровских реформ, университет явился, быть может, в наиболее чистом виде европейским институтом, и центральную роль в его «усвоении» сыграло установление прямых образовательных контактов России с Европой.

Особенно большую роль в этом сыграли немецкие земли. Именно с ними российские университеты на начальном этапе своей истории оказались связаны теснее всего: в Германию отправлялись на учебу первые студенты из России, из Германии в российские университеты приезжала значительная часть профессуры, наконец, сама организация университетов в России, их первоначальное внутреннее устройство и последующие реформы протекали под непосредственным влиянием немецких университетов.

Нельзя сказать, чтобы на это влияние раньше совсем не обращалось внимания. Так, всегда цитировалась фраза М. В. Ломоносова из письма к И. И. Шувалову о том, что Московский университет основан в 1755 г. «по примеру иностранных». Однако осознание важности сравнительного контекста позволило в данной книге кардинально по-новому поставить вопрос о «европейском влиянии» на российские университеты.

Дело в том, что сами образцы оказались подвержены изменениям, и особенно стремительным и резким – как раз в период становления университетского образования в России. За период XVIII – первой половины XIX в. понятие европейского университета пережило качественную трансформацию, причем менялись именно внутренняя организация университета, идейное обоснование, задачи и смысл образовательного процесса. Поэтому главным является не констатация отсылки Ломоносова к европейскому опыту, а раскрытие *сути* этого «примера» в конкретную историческую эпоху. На какие принципы организации университетов ориентировался Ломоносов, а на какие Шувалов, и почему, и что это означало для последующего раз-

¹ A History of the University in Europe / Gen. ed. W. Rüegg. Vol. 1. Universities in the Middle Ages / Ed. H. De Ridder-Symoens. Cambridge, 1992; Vol. 2. Universities in Early Modern Europe (1500–1800) / Ed. H. De Ridder-Symoens. Cambridge, 1996; Vol. 3. Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945) / Ed. W. Rüegg. Cambridge, 2004. Четвертый том «Universities from 1945 to Present (1945–1992)» пока еще не издан.

² Серия Veröffentlichungen der Gesellschaft für Universitäts- und Wissenschaftsgeschichte / Hrsg. von R. Ch. Schwinges – Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert. Basel, 2001; Finanzierung von Universität und Wissenschaft in Vergangenheit und Gegenwart. Basel, 2005; Examen, Titel, Promotoinen. Akademisches und Staatliches Qualifikationswesen vom 13. bis zum 20. Jahrhundert. Basel, 2007; см. также www.guw.unibe.ch.

вития российских университетов? Подобные же вопросы можно и нужно задавать в отношении любого этапа университетских реформ XVIII – первой половины XIX в.

Теоретическую базу для изучения этих проблем предоставило понятие об «университетских моделях», которое связало воедино сумму принципов внутренней организации и социальных функций университета.³ Употребление этого понятия отражает тот закономерный факт, что в разные исторические эпохи, говоря об университете, на деле следует подразумевать различные типы учебного заведения с разными устройством и ролью в обществе – ведь вполне естественно, например, что содержание современного университета в огромной мере отличается от его средневекового прототипа.

Историческая наука сегодня различает три базовых, сменяющих друг друга модели европейских университетов: «доклассическую», «классическую» и «постклассическую». «Доклассическая» модель связывается с организацией и функциями средневекового корпоративного университета, «классическая» – с исследовательским университетом XIX – первой половины XX века, «постклассическая» – с массовым университетом в современном мире.

Исходным мотивом к выделению таких моделей явилось желание построить единую периодизацию университетской истории Европы. В этом смысле был намечен важный рубеж «около 1800 г.», знаменовавший переход от «доклассической» к «классической» эпохе в истории университетов, а также рубеж 1950–60-х гг. для возникновения современного массового университета. Однако в последующем было уточнено, что университетские модели следует понимать не в строго хронологическом смысле привязанными к определенной эпохе, а скорее как «идеальные типы».⁴ Это значит, что, во-первых, существует определенная дистанция между зафиксированными в описании модели идеальными университетскими чертами и их конкретными реализациями, которые в рамках одной и той же эпохи допускают известное разнообразие, не отклоняясь при этом от базовых принципов. Из этого вытекает, во-вторых, что границы между эпохами не являются четкими и непроницаемыми, а, напротив, должны представляться достаточно размытыми, так что отдельные черты и принципы «доклассического» университета далеко пережили свое время, эхом отдаваясь в практике «классического» университета, и, наоборот, базовые идеи «классического» университета вызревали внутри «доклассического» и могли в нем существовать латентно, не требуя на первых порах внешних проявлений в виде изменения организации университета.

Подробнее о том, что представляли собой модели «доклассического» и «классического» университета, и как осуществлялся переход от одной к другой, изложено в основной части монографии. Основное внимание при этом вполне осознано уделено немецким университетам, поскольку именно их история наиболее выпукло показывает общие тенденции и проблемы развития университетского образования в целом. Именно в немецких землях внутри единой «доклассической» эпохи, протянувшейся с середины XIV до начала XIX в., сперва произошла конфессионализация, т. е. разделение университетского пространства на протестантскую и католическую части,⁵ а затем началась «модернизация» (затронувшая в большей степени протестантские, а в меньшей – католические университеты), общий смысл которой заключался в том, чтобы поставить университеты на службу государству. «Модернизированный» немецкий университет, воплощенный в XVIII в. всего в нескольких, но оттого чрезвычайно важных

---

³ Moraw P. Aspekte und Dimensionen älterer deutscher Universitätsgeschichte // Academia Gissensis / Hrsg. von P. Moraw und V. Press. Marburg, 1982. S. 1–43; Geliert C. The emergence of three university models. Institutional und functional modifications in European higher education. Florenz, 1991; Wittrock B. The modern University: the three Transformations // The European and American University since 1800 / Ed. Sh. Rothblatt, B. Wittrock. Cambridge, 1993. P. 303–361.

⁴ Moraw P. Universitäten, Gelehrte und Gelehrsamkeit in Deutschland vor und um 1800 // Humboldt International. S. 20.

⁵ Подчеркнем, однако, что ошибочно было бы говорить о различных «протестантской» и «католической» моделях университета, поскольку все основные принципы их организации не выходили за общие рамки «доклассической» модели, а различия являлись внешними по отношению к внутренней структуре и функциям университета (см. главу 1).

примерах, представил собой смешанный, пограничный между эпохами тип, который демонстрировал, каким образом внутри «доклассической» модели формировались принципы «классического» университета. Сама же «классическая» модель также родилась именно в Германии начала XIX в., осуществив переход от университета как средневековой привилегированной корпорации к университету как «соединению наук» (*Universitas litterarum*), находящемуся на государственном обеспечении и под государственным контролем, но пользующемуся широкими научными свободами.

На развитие российских университетов XVIII – первой половины XIX в. оказывали свое влияние и в чистом виде «доклассические» университеты со средневековым корпоративным строем, и немецкие «модернизированные», и «классические» университеты. Причем, в полном соответствии с тем, что было выше сказано о характере университетских моделей, это влияние было не только диахронным, последовательно сменявшим друг друга, но зачастую и синхронным, когда при обсуждении форм организации университета в России одновременно учитывались идеи противоположных по своей сути университетских моделей, каждая из которых черпалась из Германии. Поэтому изучение контактов России с немецкими университетами позволяет дать новые ответы на фундаментальные вопросы отечественной университетской истории: как именно происходил генезис университетского образования в России; какими идеями на том или ином хронологическом отрезке питались российские университетские реформы; как изменялся общественный статус университетского образования; в чем корни противоречий, возникавших между университетами и государством.

Ответ на эти вопросы покажет общность принципов, лежавших в основе построения университетов в Европе и России, сходство и, в то же время, различие в конкретном воплощении этих принципов в проектах организации университетского образования. И наиболее важным здесь является то, что, только привлекая европейский материал для сравнения, можно полностью понять идейное содержание истории отечественных университетов и, тем самым, осознать место России в университетском пространстве Европы.

Итак, предметом книги является *сравнительная история* российских и европейских университетов, а главным ее результатом должен служить сам вывод о правомерности такого рассмотрения, т. е. реальной тесноте и интенсивности связей, степени вхождения отечественных университетов в университетскую историю Европы, общности возникавших и решавшихся в процессе этой истории проблем.

Выбранные хронологические рамки книги тесно связаны с ее методологическими основами. Центральным теоретическим положением обсуждавшейся концепции является совершающийся «около 1800 г.» переход от «доклассической» к «классической» эпохе в истории европейских университетов. По вполне неслучайному совпадению тот же самый момент явился важнейшим рубежом и для истории российских университетов, поскольку именно проведение реформы в начале XIX в. заложило основу будущей системы университетов дореволюционной России. Поэтому именно к указанной критической точке – началу XIX в. – как к узловому пункту сходятся все изучаемые в книге процессы.

Нижней границей исследования служит конец XVII – начало XVIII в., когда «экспансия» университетского образования по Европе принесла свои первые плоды и в России в виде попыток основать православный университет в его «доклассическом» понимании. В то же время, чтобы подвести к этому историческому рубежу, в книге дан обширный экскурс в начальную эпоху истории европейских университетов, а также впервые в историографии связно представлен процесс их распространения в Восточной Европе последней четверти XVI–XVII в.

Верхняя граница работы – середина XIX в. – определена, исходя из логики изучения воздействия «классического» университета на Россию, которое достигло своей наибольшей силы в эпоху 1830—40-х гг., в ходе обновления отечественных университетов при благоприятствующей им политике министра народного просвещения С. С. Уварова. Но с 1848 г. под

влиянием внешних факторов правительственная политика резко изменилась, во многом остановив процесс усвоения в России «классических» идей. Впрочем, на завершающих страницах книги представлена общая перспектива, раскрывающая их значение и для последующей истории дореволюционных университетов.

Главный же акцент в работе падает на события «около 1800 г.» – со многих точек зрения решающий период в истории отечественного университетского образования и, одновременно, время глубокого кризиса европейских университетов. Этот период особенно богат в отношении материалов по университетским взаимосвязям России и Европы, анализ которых позволяет принципиально по-новому оценить историю создания и характер университетской реформы начала царствования Александра I, процесс приглашения немецких профессоров в российские университеты в первом десятилетии XIX в., начало формирования нового поколения русских ученых через их обучение в передовых немецких университетах.

* * *

В кратком очерке литературы по теме исследования, естественно, нельзя представить обзора всей историографии по истории российских университетов, ни, тем более, по университетской истории Европы. Поэтому стоит ограничиться указанием общих тенденций в развитии этой историографии вплоть до настоящего времени.

Начать следует с двух книг, которые заложили краеугольный камень в изучение университетской истории Европы и длительное время оставались непревзойденными в своем роде. Это многотомные издания профессора Гёттингенского университета К. Мейнерса «Об устройстве и управлении немецкими университетами» и «История возникновения и развития высших школ в нашей части Света».⁶ В первой книге Мейнерс подробно раскрыл принципы организации и задачи университета с точки зрения немецкого Просвещения, а затем с этих позиций изложил во второй книге подробный обзор истории европейских университетов и представил оценку различных этапов их развития. Подчеркнем, что в течение около ста лет труды Мейнерса оставались единственной в историографии попыткой осветить историю университетов в сравнительном ключе, выбрав для этого длительный промежуток времени (с момента возникновения до рубежа XVIII–XIX вв.), а в качестве географического ареала – всю Европу, включая Россию.

Собственно изучение российских университетов началось в дореволюционной отечественной историографии с середины XIX в. Были написаны исторические труды, посвященные отдельным российским университетам и приуроченные к их юбилеям.⁷ Эти издания представляли собой фактологическое, скрупулезное (подчас до малейших деталей, почерпнутых из университетских архивов, которые в наши дни не сохранились) изложение истории конкретного университета, которое по сути не получало концептуального осмысления – действовавшие исторические факторы рассматривались изолировано лишь для данного университета, оценивались как существенные для его становления, но не получали трактовки, исходя из общей картины развития университетов в России или, тем более, из контекста европейской университетской истории того времени.

---

⁶ *Meiners Ch. Über die Verfassung und Verwaltung deutscher Universitäten. Göttingen, 1801; Meiners Ch. Geschichte der Entstehung und Entwicklung der hohen Schulen unsers Erdtheils. Bd. 1—4. Göttingen, 1802—1805.*

⁷ *Шевырев С. П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855; *Григорьев В. В.* Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870; *Багалец Д. И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. 1–2. Харьков, 1893–1898; *Петухов Е. В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования. Юрьев, 1902; *Загоскин Н. П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. Т. 1–4. Казань, 1902–1904.

Построение таких концепций легло на плечи авторов обобщающих исследований, касающихся российской системы университетского образования в целом. Первенство здесь принадлежит профессору Петербургского университета, историку и литературоведу М. И. Сухомлинову⁸. Им были впервые поставлены многие из принципиальных вопросов в истории российских университетов, ответам на которые посвящено и данное исследование. Так, именно Сухомлинов первым задался целью изучить историю создания и немецкие корни первого отечественного университетского Устава 1804 г. В ходе этого он обнаружил существенное влияние немецких корреспондентов на разработку университетских преобразований начала XIX в., обратил внимание на роль Гёттингенского университета в качестве образца для реформ. Сухомлинов провел изучение приглашений немецких профессоров в российские университеты как осознанной политики, процесса, руководимого со стороны министерства народного просвещения, главную роль в котором сыграли попечители учебных округов. При этом исследователь дал блестящий анализ исторической ситуации в немецких университетах первой четверти XIX в., привел ряд примеров ее влияния на Россию: так, он описал неудавшуюся попытку пригласить в Харьков выдающегося немецкого филолога Ф. А. Вольфа после закрытия университета в Галле и на этом примере охарактеризовал кризис немецких университетов в эпоху наполеоновских войн и пути его преодоления. В российской историографии именно у Сухомлинова можно найти наиболее точную характеристику Карлсбадских конвенций 1819 г. и их воздействия на политику министерства кн. А. Н. Голицына. При подготовке своего труда Сухомлинов впервые ввел в научный оборот многие источники, такие, например, как журналы Главного Правления училищ за 1803–1804 гг.

Большинство выводов Сухомлинова прочно вошло в последующие работы по истории отечественного высшего образования. В то же время им были заложены и традиции ошибочной интерпретации некоторых источников, закрепившиеся потом в историографии, но требующие исправления.

Одна из ключевых концепций Сухомлинова заключалась в подчеркивании позитивной роли «университетской автономии» в России. Ее возникновение не случайно: выход работы историка вскоре после введения в силу университетского Устава 1863 г. был призван доказать, что утверждение «автономии» российских университетов в период Великих Реформ являлось лишь возвращением к уже существовавшим и освященным традицией принципам Устава 1804 г., которые подверглись искажению в николаевскую эпоху. При этом именно принятие Устава 1804 г. «открыло путь для развития народной образованности и дало верный залог для ее безостановочного движения».⁹ Поэтому в работе Сухомлинова последовательно проведена оценка Устава 1804 г. как «либерального», т. е. даровавшего максимальную свободу для ученых и независимость от государства во внутреннем управлении университетом. Одновременно, приходившие в начале XIX в. в Россию идеи «модернизированного» университета, направленные на ограничение автономии и корпоративных прав университетов (их сторонником, в частности, являлся К. Мейнерс), оценивались Сухомлиновым как «консервативные». С современной точки зрения очевидна субъективность этих оценок, переносящих на начало XIX в. те представления об университетах, которые сложились в России в 1860-е гг., тогда как для объективного анализа принципы Устава 1804 г. следует поместить в контекст общего развития университетских идей в Европе своего времени.

В статьях и очерках последней четверти XIX – начала XX в., написанных В. С. Иконниковым,¹⁰ П. И. Ферлюдиным,¹¹ Б. Б. Глинским,¹² В. Е. Якушкиным,¹³ была окончательно

⁸ Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования в царствование императора Александра I. СПб., 1865; переизд. в кн.: *Он же*. Исследования по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб., 1889.

⁹ Сухомлинов М. И. Указ. соч. Т. 1. С. 1–2.

¹⁰ Иконников В. С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. № 9. С. 161–206. № 10. С. 492–550. № 11. С. 73–132.

оформлена так называемая «либеральная концепция» истории университетского образования России, в которой последняя рассматривалась как чередование периодов «прогресса» и «реакции», наступления «либеральных» или «консервативных» элементов. Вопрос о том, какие причины – внутренние, связанные с общественной жизнью России, или внешние изменения в общей истории университетов Европы – вызвали к жизни те или иные университетские преобразования, однозначно решался этими историками в пользу первых; тем самым, проблема «европейских образцов» для российских университетов получала второстепенное значение и не могла быть решена правильно.

Выделим здесь работу Б. Б. Глинского, которая посвящена истории университетских Уставов. Интересна общая посылка автора, в целом не характерная для либеральной историографии: он сразу же называет немецкие университеты «прототипами» для российских, а затем ставит вопрос, «как трансформировался образ германского университета на русской почве, в какой тип вылился он и каковы были главнейшие моменты его перерождения»¹⁴. Надо сказать, что Глинский одним из первых в отечественной историографии представил (с опорой на немецких авторов) совершенно верное определение «классического» университета в Германии как такого, который дает «чисто научное» образование, где «первое место занимает не подготовка к практической деятельности, но научное исследование и занятие наукой», и который основывается на «безграничной» свободе обучения и преподавания. «Главная цель научного преподавания заключена в том, чтобы учащийся приучался научно думать, т. е. понимать, проверять научные исследования и самостоятельно вести их и затем также разрешать практические задачи на основании научных данных»¹⁵.

Однако заблуждением Глинского являлась абсолютизация, перенесение этого типа немецких университетов из конкретных рамок XIX в. на всю их историю. Поэтому в дальнейшем в статье он исследовал не влияние на Россию немецких университетов в конкретные исторические моменты (с конкретными, но разными между собой идейными программами), а общее отражение указанного типа в российских университетских Уставах. Это облегчило быстрый переход Глинского в последующем тексте к стереотипам либеральной историографии. Уже «Проект об учреждении Московского университета» 1755 г. был, по его мнению, «исключительно копией германских университетов» (каких?), дарующей «широкую автономию» (так ли?), а Устав 1804 г. был еще «прогрессивнее», поскольку автономия в нем «была незыблема». В николаевское же время «лишенный в значительной мере своей прежней автономии и несколько заслоненный властью попечителя, уваровский русский университет значительно отошел от своего германского первообраза», хотя «в достаточной степени удовлетворил запросы отечественной жизни»¹⁶. Тем самым, за меру соответствия тому «германскому первообразу», который Глинский описал в первой части статьи, было положено присутствие в Уставах широких корпоративных прав, что являлось серьезной ошибкой. Глинский не разобрался в том, что восходящая к средневековью «корпоративная автономия» как система прав и привилегий, внешних по отношению к науке, вовсе не тождественна утвердившейся в «классическом» немецком университете «автономии науки», гарантирующей поступательное развитие там научных исследований, и что последняя существовала в немецких университетах XIX в. при весьма ограниченных правах внутреннего самоуправления, т. е. фактически без всякой «корпоративной автономии».

¹¹ Ферлюдин П. И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Саратов, 1894.

¹² Глинский Б. Б. Университетские уставы (1755–1884) // Исторический вестник. 1900. № 1. С. 324–351.

¹³ Якушкин В. Е. Из истории русских университетов в XIX веке // Вестник воспитания. 1901. № 7. С. 34–58. Глинский Б. Б. Указ. соч. С. 332.

¹⁴ Глинский Б. Б. Указ. соч. С. 332.

¹⁵ Там же. С. 329.

¹⁶ Там же. С. 335, 339, 344.

В итоге то, что Глинский хотел показать как «искажение германского первообраза в России», свелось в его статье к простым оценкам последовательности университетских Уставов как более или менее либеральных. А в вышедшей почти одновременно с работой Глинского статье В. Е. Якушкина эта либеральная концепция развития университетского образования в России получила свое наиболее законченное и четкое оформление, именно в таком виде повлияв на становление советской историографии по истории университетов и сохраняя свое влияние до наших дней.

В основе концепции Якушкина лежат два простых тезиса. Во-первых, история русских университетов есть часть русской истории, их развитие вытекает из общего хода развития общественной жизни и, наоборот, сами русские университеты оказывают активное влияние на общественную жизнь в России. Во-вторых, поскольку в общественной жизни чередуются периоды свободы и несвободы, то и история российских университетов должна рассматриваться «исходя из последовательных смен прогресса и реакции».¹⁷ Проще всего эти смены увязать с принятием тех или иных университетских Уставов, откуда и появляется четкая волнообразная схема, поделившая все эти Уставы в XIX в. на «хорошие» (1804, 1863) и «плохие» (1835, 1884). Правда, Якушкин указывает на возможность чередования периодов и между Уставами: так, в царствование Александра I его первые годы «прогрессивной» университетской политики сменяются после 1817 г. «реакционной» политикой, и точно так же в первые годы царствования Николая I, по мнению автора, университеты имели «в некотором смысле прогрессивное развитие», сменившееся потом на противоположное. Основным же критерием «прогрессивности» или «реакционности» того или иного периода служит, согласно автору, мера «академического самоуправления», которая предоставлена университетам.

Достоинствами концепции Якушкина были простота, ясность, легкость ее применения в учебном процессе и значительная доля социального оптимизма, поскольку, по мнению автора, «мрачный» период истории, который переживали современные ему университеты, неизбежно должен смениться новым расцветом. Однако недостатки концепции (вытекавшие из той же простоты и ясности) не преодолены в отечественной историографии до сих пор. С точки зрения обсуждаемых в настоящей книге проблем, главным недостатком служило то, что, жестко привязав развитие университетов к общественной жизни России, Якушкин полностью исключил его из хода истории европейских университетов. Во всей его статье о связи российских и немецких (или каких-либо иных) университетов не упоминается ни разу. Это приучает смотреть на историю российских университетов как на «изолированную», «самодостаточную». Университеты в России возникли из потребностей общественной жизни, полагал Якушкин, и в соответствии с ее ходом продолжали развиваться. Так ли уж важно, в таком случае, что сам по себе университет был порождением европейской науки? Так ли уж существенны контакты, которые российские университеты имели с границей, по сравнению с влиянием на них событий русской истории? Вслед за Якушкиным многие историки легко давали себе отрицательный ответ на эти вопросы, и это сказывалось на их работах.

Наиболее фундаментальные труды в дореволюционной историографии университетского образования в России принадлежат перу С. В. Рождественского.¹⁸ Его работы сделали многое для наполнения истории российских университетов новыми фактами, которые начинали выводить исследователя за узкие рамки «либеральной концепции». Надо сказать, что Рождественского интересовал, прежде всего, сам процесс возникновения системы российских высших школ и то, какие характерные черты она при этом приобретает. Предысторию этого про-

---

¹⁷ Якушкин В. Е. Указ. соч. С. 36.

¹⁸ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. СПб., 1902; *Он же*. Университетский вопрос в царствование императрицы Екатерины II и система народного просвещения по Уставам 1804 г. // Вестник Европы. 1907. Т. 4. № 7; *Он же*. Очерки по истории систем народного просвещения России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912.

цесса Рождественский справедливо начинал с конца XVII в., показав в нем роль Киевской и Московской академий, а также проектов создания высших школ, возникавших в ходе петровских реформ. При этом историк обнаружил чрезвычайно интересный проект второй половины 1710-х гг., написанный неизвестным автором (по-видимому, из ближайшего окружения Петра I), в котором для подготовки государственных служащих в России фактически предлагалось открыть полноценный европейский университет в его «доклассическом» виде, опираясь на примеры католических университетов южной Германии и Италии.¹⁹ Для второй половины XVIII в. Рождественский ввел в научный оборот широкий круг университетских проектов, рассматривавшихся при Екатерине II, и указал на их зарубежные источники (правда, не избежав некоторых ошибок: записку о немецких университетах, написанную для Екатерины II Ф. М. Гриммом, он приписал Д. Дидро). Рождественскому принадлежит важное открытие прямой связи «Плана учреждению университетов в России» 1787 г., разработанного О. П. Козодавлевым, и т. н. «венского учебного плана», представленного по просьбе российского правительства немецким государствоведом И. Зонненфельсом, в котором был обобщен опыт австрийских университетских реформ 1770—80-х гг.²⁰

Однако, в целом, материал из истории европейских университетов той же эпохи, который мог бы стать предметом для сравнительного анализа, Рождественским привлекался редко. В его концепции российские высшие школы развивались в XVIII в., исходя из внутреннего противостояния начал специального и общего образования, и, соответственно, из желания государства то получать как можно больше специалистов для отдельных отраслей государственного хозяйства (в эпоху Петра I), то воспитывать «просвещенных граждан», универсально пригодных для любой службы (в эпоху Екатерины II). Не отрицая существование такого противоречия, нужно сказать, что подход Рождественского все-таки значительно сужает понимание развития университетских идей в России: у него полностью отсутствует представление о существовании старых и новых типов университетов в Германии (в современной терминологии – традиционных «доклассических» и «модернизированных») и их *одновременном* влиянии на Россию; не рассматривает он особо и острое соперничество «корпоративного» и «государственного» начал в проектах университетских преобразований во второй половине XVIII в.

Помимо трудов Рождественского, важность изучения начального этапа проникновения высшего образования в Россию была осознана в работах К. В. Харламповича, причем сделано это было именно в форме исследования европейских образовательных идей в русской общественной и церковной жизни XVII в.²¹ В связи с этим в историографии конца XIX – начала XX в. подробно обсуждался вопрос о Киевской академии как первом образовательном учреждении России, имевшем организационную форму и статус западного университета²², а также исследовалась попытка основать аналогичный университет в Москве при царе Федоре Алексеевиче.²³

Таким образом, историография российских университетов в начале XX в. накапливала материал, который мог позволить ей выйти на новый уровень обобщений. Тот же процесс про-

¹⁹ Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России... С. 80.

²⁰ Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России... С. 653.

²¹ Харлампович К. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII в., отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань, 1898; *Он же*. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914.

²² Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (опыт исторического исследования). Т. 1. Киев, 1883; Т. 2. Киев, 1898; Петров Н. И. Киевская академия во второй половине XVII века. Киев, 1895; Вишневский Д. К. Киевская академия в первой половине XVIII столетия. Киев, 1903.

²³ Кантарева Н. Ф. О греко-латинских школах в Москве в XVII в. до открытия Славяно-греко-латинской академии // Прибавления к творениям св. отцов в русском переводе. Ч. 44. М., 1889; Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев (Его жизнь и деятельность). М., 1896; Сменцовский М. Н. Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899; Галкин А. Академия в Москве в XVII столетии. М., 1913.

исходил и в зарубежной историографии европейских университетов. Так, большое значение среди работ, готовившихся в Германии к юбилеям конкретных университетов, имело много- томное фундаментальное исследование М. Ленца, в котором автор впервые ввел в научный оборот и проанализировал огромное количество источников по истории Берлинского универ- ситета, благодаря чему вопросы, связанные с его основанием и становлением научной жизни, освещены с исчерпывающей полнотой.²⁴ Примером обобщающего исследования, появляюще- гося в этот период, служит книга Ф. Паульсена.²⁵ Ее концепция во многом отразила самосо- знание профессорской среды своего времени, когда немецкие университеты переживали пору расцвета, и поэтому вся история немецких университетов рассматривалась в ней как последо- вательное восхождение к тому состоянию и формам, которые они получили в XIX в. Впервые после Мейнерса Паульсен в широкой исторической перспективе исследовал развитие системы преподавательских должностей и ученых степеней в университете, его административного управления, охарактеризовал, как менялся охват преподаваемых предметов и сами формы преподавания (особенно в связи с появлением в XIX в. таких новых форм «исследовательского университета», совмещавших преподавание и научную деятельность, как семинар, лаборато- рия и т. д.). Четко отделив тенденции развития немецких университетов XVIII–XIX вв. от современных им английских и французских собратьев, книга Паульсена по сути оформила в историографии представление о немецком университете в его «классическом» виде, выделив такие его основные черты, как единство в нем науки и преподавания, четкий государственный контроль при наличии системы внутреннего самоуправления, свобода преподавания (для про- фессоров) и обучения (для студентов). Соответственно, с рождения такого представления о университете как об идеальном типе появилась возможность не только собственно исследовать его черты, но и обсуждать возможности его влияния на другие страны.

К сожалению, советская историография практически не использовала такую возмож- ность. Работы к юбилеям отечественных университетов стремились демонстрировать «разви- тие университетского образования под влиянием классовой борьбы»²⁶. Основные черты этой концепции прекрасно видны на примере трудов к 200-летию Московского университета.²⁷ Из дореволюционной историографии в них перешло утверждение о жесткой связи развития университетов и российской общественной жизни, а еще шире – социально-экономического развития страны. «Основание первого университета в России было подготовлено всем ходом ее исторического развития», – так звучал тезис, подчеркивавший внутреннюю «самодоста- точность» истории русских университетов, чье появление было обусловлено кризисом кре- постничества, классовой борьбой и сопротивлением крестьян феодальному гнету.²⁸ Кроме того, основание университета в Москве рассматривалось как реакция на «засилие немцев» в Петербургской Академии наук, вызванная необходимостью «создать национальное русское просвещение и русскую науку». Обращаясь к анализу устройства Московского университета по Проекту 1755 г. или Уставу 1804 г., авторы не занимались его сравнением с европейскими аналогами, а, как и в либеральной историографии, сразу выделяли одну позитивную черту – автономию, но подчеркивали, что «классовая дворянская ограниченность» не позволяла ей

²⁴ Lenz M. Geschichte der Königlich Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Bd. 1 —4. Berlin, 1910.

²⁵ Paulsen F. Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. Bd. 1—2. Leipzig, 1896—1897 (3. Aufl. Leipzig, 1919—1921; сокращ. рус. перевод: Паульсен Ф. Германские университеты. СПб., 1904).

²⁶ Корбут М. К. Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Т. 1–2. Казань, 1930. зд. цит. Т. 1. С. 6; Очерки по истории Московского университета // Ученые записки МГУ История. Вып. 50. М., 1940; Харь- ковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет. 1805–1955. Харьков, 1955. История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969. Л., 1969; Казанский университет, 1804–1979: Очерки истории. Казань, 1979.

²⁷ История Московского университета / Под ред. М. Н. Тихомирова. Т. 1. М., 1955; Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955.

²⁸ История Московского университета. Т. 1. С. 11.

реализоваться на практике, и «университет фактически находился во власти попечителя, который был стражем и хранителем интересов самодержавно-крепостнического строя в деле воспитания и обучения молодого поколения»²⁹.

О возможности других подходов в советской историографии свидетельствует вышедшая почти одновременно с указанными юбилейными работами книга Н. А. Пенчко, в которой автор не стремилась объяснить основание Московского университета, исходя из общих стереотипов, но высказывала несколько принципиально важных положений для понимания этого процесса. Во-первых, она верно осветила роль М. В. Ломоносова, впервые строго научно доказав его участие как автора в создании проекта об учреждении Московского университета, а также вскрыла связь этого проекта с борьбой Ломоносова за открытие университета в Петербурге. Во-вторых, автор точно указала цель, за которую боролся Ломоносов – создание в России профессорской корпорации, аналогичной в правах корпорациям немецких университетов. Тем самым, проблема взаимодействия немецкого и российского университетских пространств, существования немецких образцов при создании отечественных университетов впервые была обозначена и в советской историографии. Автор справедливо задавала вопросы, в какой степени на основании Московского университета отразилась «пресловутая автономность и корпоративность германских университетов, ведущих свое начало от тех времен, когда университеты были организованы по типу ремесленных цехов», почему Ломоносов так упорно отстаивал «особые права и вольности, которыми пользовались по традиции германские университеты», и не представляли ли они у нас в России «пережитки средневекового права корпораций»³⁰.

Однако, эти принципиальные замечания не получили дальнейшей разработки в советское время. Среди других исследований следует отметить лишь работы Б. И. Краснобаева, который единственным в советской историографии поставил вопрос о месте Московского университета в системе европейского университетского образования XVIII в., а также, что немаловажно, смог донести такую постановку до зарубежных историков³¹.

Видное место в трудах советских историков занимало изучение роли Петербургской Академии наук и так называемого «Академического университета» в зарождении отечественного высшего образования. Если в работах А. И. Андреева,³² Е. С. Кулябко,³³ Ю. Х. Копелевич³⁴ подчеркивалось, что в основе устройства Петербургской Академии наук лежал образец Парижской, т. е. ученого общества на содержании и под управлением государства, предназначенного для решения определенных научных задач, а приданные ему образовательные функции, хотя и носили название «университета», но по своей организации значительно отличались от европейских университетов того времени (особенно четко эту аргументацию представила Е. С. Кулябко в главе для капитальной «Истории АН СССР», где отрицалось фактическое существование «Академического университета» как особого учебного заведения при Академии наук и указывалось, что он, несмотря на все то, что значилось в петровском проекте, так и не был по-настоящему открыт³⁵), то достаточно неожиданно Г. А. Тишкиным и Ю. Д. Марголисом была выдвинута другая концепция, согласно которой в 1724 г. в Петербурге под именем «Академи-

²⁹ История Московского университета. Т. 1. С. 78–79.

³⁰ Пенчко Н. А. Основание Московского университета. М., 1953. С. 81.

³¹ Краснобаев Б. И. Начальный период деятельности Московского университета // История СССР. 1980. № 3. С. 130–141; *rasnobaev B. I. Die Rolle der Moskauer Universität bei der Entwicklung kultureller Beziehungen zwischen den europäischen Ländern im 18. und zu Beginn des 19. Jahrhunderts // Wegenetz europäischen Geistes. Bd. 1. Wissenschaftszentren und geistige Wechselbeziehungen zwischen Mittel- und Südosteuropa vom Ende des 18. Jahrhunderts bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von R. G. Plaschka und K. Mack. München, 1983. S. 385–394.*

³² Андреев А. И. Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: Сб. ст. М.; Л., 1947. С. 284–333.

³³ Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962; *Она же. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.*

³⁴ Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977.

³⁵ История АН СССР. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 145–148.

ческого» был основан первый российский университет, имевший к тому же преемственную связь с начавшим существование в 1819 г. Петербургским университетом.³⁶

Казалось бы естественным в таком случае рассмотреть это событие 1724 г. в контексте общих форм и состояния европейских университетов того времени. Однако такого проделано не было. Представления о европейских университетах, продемонстрированные в книге Марголиса и Тишкина, весьма поверхностны и «мифологичны»: авторы начинают свое доказательство со ссылки на авторитет Д. И. Менделеева, заметившего, что «в Голландии и ныне называют университеты академиями. Надо думать, что Петр I основывал Академию вовсе не в смысле Академии Парижской, а ... в смысле Академии Голландской, т. е. университет». Создается впечатление, что авторы не знают, что не только в Голландии, но и в Германии, Польше, Италии университеты назывались академиями, и что трудности, возникающие из-за двойного толкования слова «академия», в XVIII в. описывал Г. В. Лейбниц, а в историографии эту тему уже исследовал А. И. Андреев, детально обосновав тезис о намерении Петра учредить в 1724 г. именно ученое общество, а не «академию» в смысле университета. Дальше авторы пишут, что якобы «сподвижники Петра I творчески использовали и переработали зарубежный опыт – именно опыт совместной деятельности академий и университетов».³⁷ На самом деле, такого опыта в первой четверти XVIII в. еще не существовало (первое университетское ученое общество с широкой научной программой появилось при Гёттингенском университете лишь в середине XVIII в.). Свою позицию авторы пытаются подтвердить, сославшись на «развернутое воплощение мысли об обучающей академии в письме Петра I к Вольфу в 1720 г.», хотя, как показала еще Ю. Х. Копелевич, такого письма не существовало, а ошибка возникла из-за неправильной интерпретации отрывка из письма Х. Вольфа, в котором речь шла не о российском, а об австрийском императоре.³⁸

Но главное, в книге Марголиса и Тишкина много говорится об отличиях «Академического университета» от «стандартного» университета (термин авторов), но так и не выяснено – а в чем было их сходство? Между тем, его не было, поскольку в «Академическом университете» не существовало никаких собственных прав и привилегий (добиться их получения в 1750–60-е гг. стремился Ломоносов), т. е. этот «нестандартный» университет не являлся в правовом смысле самостоятельной корпорацией ученых, а лишь составлял «учебную часть» Академии наук. Что же тогда позволяет считать его университетом? Ничего, поскольку в «доклассический» период истории европейских университетов основной чертой, позволявшей отличить их от других школ, по определению были дарованные высшей властью корпоративные права («академическая свобода»),

О том, насколько далеки от понимания этого Марголис и Тишкин, свидетельствует подчеркивание ими в качестве одного из доказательств существования Петербургского университета в XVIII в. того факта, что М. В. Ломоносов занимал должность его «ректора». Раз был «ректор», то был и «университет», такова логика авторов, но в чем же состояли функции и природа власти этого ректора, они не объясняют. Между тем, должность ректора, действительно, предусмотрена в штате Академии наук 1747 г., но лишь для «попечения» о студентах и гимназистах, а потому ректор вовсе не был главой университетской корпорации, не председательствовал, как за границей, в университетском Совете (Сенате) и, тем более, не избирался регулярно профессорами, о чем писал сам Ломоносов, требуя введения именно выборной должности ректора (или проректора) в том же смысле, в каком она существовала в немецких университетах. Значит, наличие бесправного «ректора» лишний раз подчеркивает

³⁶ Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу. Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII – начале XIX в. Л., 1988.

³⁷ Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Указ. соч. С. 37.

³⁸ Копелевич Ю. Х. Указ. соч. С. 39.

«нестандартность» Петербургского университета XVIII в., которая по совокупности доходит до такой степени, что, на наш взгляд, полностью лишает его права называться таковым.

Итак, появление концепции Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина на излете советской эпохи (откуда она была подхвачена и широко растиражирована в период «празднования 275-летия Петербургского университета» в 1999 г.) свидетельствовало о серьезных пробелах в историографии, относящейся к предыстории университетского образования в России, отсутствии в ней четких представлений о том, что такое европейский университет XVIII в., каков его правовой статус, корпоративная структура, без понимания чего правильно оценить процесс «адаптации» идеи университета в России невозможно.

Переход к современной российской историографии в 1990-х гг. ознаменовался созданием впервые после долгого перерыва обобщающих работ по истории российских университетов, в которых затрагивались проблемы их развития в XVIII – первой половине XIX в.³⁹ К сожалению, не все они были выполнены на одинаково высоком уровне. Так, две книги, в написании которых принимали участие И. В. Захаров, Е. С. Ляхович и А. С. Ревушкин,⁴⁰ ставили одной из своих задач показать место, которое занимали российские университеты как в государственной жизни и культуре России в целом, так и в европейской науке. Но, к сожалению, рассуждения авторов о ходе университетских реформ в России первой половины XIX в. не выдерживают критики: так, говоря о деятельности Уварова, они всерьез уверены, что «вред, нанесенный этим образованным вельможей культуре России, трудно переоценить», а приглашенные им в российские университеты немецкие специалисты-филологи «не обладали научными познаниями и преподавательским опытом». Е. С. Ляхович, как в названных книгах, так и в отдельных публикациях, обращалась к характеристике немецкого «классического» университета, но представляла его на уровне общих мест западной историографии начала XX в. (даже не в состоянии правильно сослаться на устав Берлинского университета, не упоминая при этом ни ключевого для понимания его сути меморандума В. фон Гумбольдта, ни работ Ф. Шлейермахера и др.⁴¹).

В своем курсе по истории российских университетов А. И. Аврус также считал нужным указать на международный контекст их истории, но в то же время не смог отличить в качестве основателя Берлинского университета Вильгельма фон Гумбольдта от его брата Александра.⁴² В целом же, очерки Авруса концептуально не выходят за рамки положений дореволюционной либеральной историографии и даже повторяют некоторые ее конкретные ошибки (например, о том, что автором Устава 1804 г. был В. Н. Каразин⁴³).

Напротив, книга Г. Е. Павловой представила основательное исследование государственной политики в области науки и университетского образования в первой половине XIX в. Автор стремилась к объективным оценкам, в частности деятельности С. С. Уварова. Так, она справедливо заметила, что в 1810-х гг. «этот царский вельможа еще не целиком поддерживал обскурантистский курс Голицына», а подготовленный им проект Устава Петербургского университета «соответствовал уровню развития науки того времени». Однако после восстания декабристов, считает исследовательница, Уваров полностью «перешел на позиции реак-

---

³⁹ Подробнее обзор современной историографии по истории российских университетов см.: *Лантеева Л. П.* История российских университетов XVIII – начала XX века в новейшей отечественной литературе // *Российские университеты в XVIII – начале XX века*: Сб. ст. Вып. 5. Воронеж, 2000. С. 3–27.

⁴⁰ *Захаров И. В., Ляхович Е. С.* Миссия университета в европейской культуре. М., 1994; *Ляхович Е. С., Ревушкин А. С.* Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998.

⁴¹ *Ляхович Е. С.* Модель Гумбольдта: университеты – центры эталонного знания (опыт воплощения идеала) // *Aima mater*. 1994. № 2. С. 35–38.

⁴² *Аврус А. И.* История российских университетов. Очерки. М., 2001. С. 27.

⁴³ Там же. С. 30.

ции и затем неприкрытого обскурантизма в отношении науки и образования»,⁴⁴ что показывает и здесь присутствие еще не преодоленных стереотипов. Но главный шаг вперед, который был сделан в работе Г. Е. Павловой, связан с осознанием необходимости целостного изучения «государственных мер» в области высшего образования как единого процесса, вскрывая его причины и основные достижения. Преодолеть же негативные стереотипы при таком изучении, на наш взгляд, и позволяет привлечение представлений о развитии европейских, в частности немецких университетов, с которым эти меры непосредственно соотносились.

Большой интерес вызывает книга А. Е. Иванова, в которой автор впервые задался целью осветить возникновение и развитие отдельного института в рамках университетской истории – системы ученых степеней.⁴⁵ Им были получены важные выводы о своеобразии этой системы в дореволюционных российских университетах по сравнению с европейской, послужившей для них прообразом.

Наиболее замечательным событием в современной российской историографии по истории университетов явился выход многотомного труда Ф. А. Петрова «Формирование системы университетского образования в России» (общим объемом свыше 140 печ. л.).⁴⁶ В этом исследовании автору удалось синтезировать все основные достижения, которые были получены в изучении истории университетского образования в России XVIII – первой половины XIX в. за последние полтора века. Работу Петрова отличает комплексный анализ источников, среди которых на первом плане стоят документы, связанные с подготовкой и реализацией двух университетских реформ в России: начала XIX в. и середины 1830-х гг. Автором исследованы и сопоставлены между собой многочисленные проекты университетских уставов (особенно важен его анализ разработки Устава 1835 г.) и показаны основные направления политики министерства народного просвещения в течение первой половины XIX в. Впервые в историографии в книге выпукло представлен вклад, который внесли в организацию университетского образования попечители учебных округов, среди которых были такие выдающиеся деятели, как М. Н. Муравьев и С. Г. Строганов. В труде Ф. А. Петрова подробным образом показан процесс формирования профессуры российских университетов первой половины XIX в., в том числе автор останавливается и на вкладе в этот процесс немецких университетов.

Однако европейский контекст истории российских университетов в труде Ф. А. Петрова как таковой специально не исследуется. Поэтому некоторые выводы, к которым приходит автор, требуют дополнения или критического пересмотра при обращении к более широкому кругу источников, включая зарубежные (в особенности это относится к начальному этапу развития отечественного университетского образования в XVIII в., который не был в фокусе историка).

Новые методы в изучении университетской истории России продемонстрировала двухтомная коллективная монография, посвященная истории Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX в..⁴⁷ Ее отличает широкое применение историко-культурного подхода к университетской истории: Московский университет рассматривается как центр культурной жизни города, проводник ее новых форм, а следовательно, «европеизации» (поскольку именно благодаря университету в Москве расцвело книгопечатание, стали выпускаться периодические издания, появился театр и т. д.). Целью работы, по определению

⁴⁴ Павлова Г. Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М., 1990. С. 66–68, 90.

⁴⁵ Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М., 1994.

⁴⁶ Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. Российские университеты и Устав 1804 года. М., 2002; Т. 2. Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX в. М., 2002; Т. 3. Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М., 2003; Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. Профессура. Ч. 2. Студенчество. М., 2003.

⁴⁷ Университет для России. Взгляд на историю русской культуры XVIII столетия / под ред. В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. М., 1997; Университет для России. Т. 2. Московский университет в александровскую эпоху. М., 2001.

редакторов, служит «попытаться соединить достижения историков русской культуры с накопленными знаниями по истории Московского университета», сконцентрировав свое внимание на «университетском человеке». Схожий подход на материалах истории Казанского университета первой половины XIX в. был реализован в трудах Е. А. Вишленковой, где впервые в российской историографии исследованы повседневные академические практики.⁴⁸ Существенным вкладом в современную украинскую историографию служат исследования, посвященные основанию Харьковского университета и роли в нем В. Н. Каразина, а также новая фундаментальная история этого университета.⁴⁹ Чрезвычайно важна недавняя монография С. И. Посохова, построившего широкую картину эволюции «образов университетов» в отечественной историографии.⁵⁰

Из всех современных отечественных авторов ближе всего к пониманию необходимости сравнительного анализа в истории российских и европейских университетов подошел П. Ю. Уваров.⁵¹ В своей статье он сделал ценные замечания о существовании «неких констант университетской истории, для понимания которых нужно обратиться к ее истокам». Им были четко указаны принятые в европейской историографии критерии университета («полноценность университета и выдаваемых им степеней гарантировалась академической свободой корпорации») и несоответствие этим критериям петровского и других проектов эпохи Просвещения, что говорило о «трудностях университетской идеи» в России («идеология Просвещения ценила только полезное и мешала осознать природу университетского феномена»). Говоря об окончательном утверждении университетской идеи на отечественной почве, Уваров относил его к началу XIX в. и особенно подчеркивал влияние «университетского ренессанса в Германии», причем, по его мнению, речь шла не столько о прямом заимствовании идей Гумбольдта (хотя с ними в России и были знакомы), сколько о переносе общего комплекса идей этого периода из передовых немецких университетов, прежде всего из Гёттингена.⁵² Выделяя последующее стремление Николая I к специализации высшего образования и желание лишить университет его общего характера, автор в то же время признавал за эпохой реформ 1830—40-х гг. большое значение в том, что она закрепила важность университетов в глазах общества, сделала их составной частью сферы государственного управления. Бросая взгляд на дальнейшую «борьбу за автономию», П. Ю. Уваров отмечал, что, как и в Средние века, так и в Новое время «амбиции университетской корпорации чреваты ее политизацией». Главным же выводом статьи служило признание складывания в Европе «общего университетского пространства», включающего (при несомненной их специфике) и российские университеты.

Невозможно сделать сколько-нибудь полный обзор современной зарубежной историографии по университетской истории в силу ее обширности и разносторонности,⁵³ но стоит выделить несколько групп работ, результаты которых имеют важное значение для темы нашего исследования. Прежде всего, это книги зарубежных историков по истории университетского образования в России. Классическим примером такого рода служит монография Дж. Флинна

⁴⁸ Вишленкова Е. А. Казанский университет Александровской эпохи. Казань, 2003; Вишленкова Е. А., Мальшева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis. Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005.

⁴⁹ Kravcenko V.V. Die Gründung der Universität Char'kov. Zu einigen historiographischen Mythen // Jahrbuch für Universitätsgeschichte. Bd. 4 (2001). Stuttgart, 2001. S. 137—145; Харківський Національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років. Харків, 2004; Болебрух Г., Куделко С. М., Хридоchкін А. В. В. Н. Каразін (1773—1842). Харків, 2005.

⁵⁰ Посохов С. И. Образы университетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX ст. в публіцистиці та історіографії. Харків, 2006.

⁵¹ Уваров П. Ю. Университеты Российской империи глазами медиевиста (в защиту «идола истоков») // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. С. 207—223.

⁵² Там же. С. 217.

⁵³ Сводная библиография работ по университетской истории за прошедшие двадцать лет публикуется в международном журнале «History of Universities» (Oxford University Press). Т. 16—23. 2000—2007.

«Университетская реформа царя Александра I. (1802–1835)».⁵⁴ Ее хронологические рамки свидетельствуют о том, что автор поставил задачу разобраться в университетской системе Российской империи, возникшей с созданием министерства народного просвещения и действовавшей до университетского Устава 1835 г. К достоинствам работы следует отнести, что автор, естественно, хорошо представляет себе фон европейской истории, на котором разворачивалась реформа. Вслед за С. В. Рождественским он, в частности, остановился на том, какое большое значение для создания системы народного просвещения в России сыграл опыт австрийской монархии, а для университетской реформы – Гёттингена. В то же время, автор осознавал исключительное положение последнего среди других высших школ Германии, большинство из которых являлись традиционными университетами и представляли «не модель для реформ, а препятствие на пути просвещения». Кроме того, Дж. Флинн подчеркнул важность для понимания разработки Устава 1804 г. преобразований Дерптского университета, имевших место в 1802–1803 гг. Им были указаны несколько предварительных проектов Устава (в том числе из архивов), хотя подробный анализ того, как отражались в их текстах различные европейские концепции университета все же не входил в задачу автора. Изучая вклад различных проектов в окончательный текст, Дж. Флинн отрицал участие в нем В. Н. Каразина (которому, напомним, в либеральной историографии приписывалось авторство Устава), подчеркнув, что в действительности его план университета был проигнорирован. В целом же, книга Дж. Флинна продемонстрировала высокие стандарты зарубежных работ по истории российских университетов, которых придерживались и последующие исследования.

Монументальная монография Т. Маурер «Преподаватели высшей школы в царской России» поставила и ответила на многие новые вопросы историографии.⁵⁵ Свои исследовательские задачи автор определила с точки зрения «социальной истории образования», справедливо указав, что до сих пор акцент в истории российских университетов падал на изучение их уставов, тогда как в первую очередь нужно изучать людей и текущие условия их деятельности, которые не столь прямо соотносились с законодательными нормами. Поэтому в книге дан широкий социологический портрет российской профессуры XIX в., своего рода «коллективная биография». Основное внимание Т. Маурер уделила исследованию этапов карьеры ученого и становления профессуры как профессионального сообщества в России, обращая внимание на конкретные проявления общих связей с Европой. Книга Т. Маурер, безусловно, заслуживает перевода на русский язык, поскольку с ее появлением горизонты историографии истории российских университетов значительно расширились и открыли новые поля для исследований.

Работа Я. Кусбера «Образование элиты и народное образование в царской России в XVIII – первой половине XIX в.»⁵⁶ основана на подходах, близких к методике данного исследования, и рассматривает «перенос образовательных концепций и появление нового социального слоя образованных людей» в послепетровской России. Правда, в фокусе историка находятся проблемы не высшей, а средней школы: он изучает все учреждения для «воспитания, профессионального и общего образования» (für Erziehung, Ausbildung und Bildung) в России от духовных семинарий до кадетских корпусов, пытаясь оценить степень их реального воздействия на общество, на изменение его самосознания и структуры. Среди уставов российских учебных заведений в книге проанализированы и законодательные акты об университетах – автор подчеркивает их государственную природу и появление университетов не самих по себе, а как части целой системы народного образования в России.

⁵⁴ Flynn J. The University Reform of tsar Alexander I. 1802–1835. Washington, 1988.

⁵⁵ Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 1998.

⁵⁶ Kusber J. Eliten- und Volksbildung im Zarenreich während des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, 65). Stuttgart, 2004.

Другая группа работ зарубежной историографии изучила перенос идей из Европы в Россию, правда в достаточно узкой области, а именно в сфере академической науки (затрагивая лишь косвенно проблемы развития университетского образования). Здесь большую роль в свое время сыграли пионерские работы историка из ГДР Э. Винтера, посвященные возникновению институтов российской науки и первым связям немецких ученых с Россией.⁵⁷ Другой видный немецкий историк Г. Мюльпфордт, который вел одновременно с Э. Винтером исследования по истории русско-немецких научных контактов, выдвинул представление о распространении в России конца XVII – первой половины XVIII в. «средненемецкого Просвещения» (*mitteldeutsche Aufklärung*), происходившего из среды университетов Галле, Йены, Лейпцига. И галлеский пиетизм, и рационализм Х. Вольфа рассматривались Мюльпфордтом как различные стороны идей Просвещения в центральной Германии, передававшиеся через посредство университетов и личных научных контактов российским деятелям церкви, науки и государства⁵⁸. В прямой взаимосвязи с исследованиями Мюльпфордта находится диссертация К. Грау «Направления петровской культурной политики и их влияние на становление русско-немецких научных отношений в первой трети XVIII в.», в которой автор подробно остановился на характеристике идейной среды, откуда в Россию петровского времени направлялись профессора и ученые, и показывал ее влияние на восприятие здесь первых представлений о немецких университетах.⁵⁹ Продолжателем той же линии работ в наше время выступает П. Хофман, которому принадлежит вышедшее недавно фундаментальное исследование о Г. Ф. Миллере и его роли посредника между ученой средой Европы и России, в том числе и в области университетского образования.⁶⁰

Третья, наиболее важная в плане постановки темы нашего исследования группа работ изучает «университетскую идею», ее формирование и развитие в Европе – но практически в отрыве от российского материала. Лидирующее положение здесь занимают немецкие историки, хотя ряд значимых работ вышел и по-английски, что подчеркнуто выходом на двух языках в 1990—2000-е гг. уже упомянутого фундаментального обобщающего труда «A History of the University in Europe» («Geschichte der Universität in Europa»), Само название – «история университета», а не «история университетов» – свидетельствует о том, что предметом изучения служат не отдельные высшие школы, а то, что их объединяет, т. е. сам университет как социальный институт в его историческом развитии. В исследовании определены основные этапы и закономерности формирования европейского университетского пространства, проанализированы различные стороны взаимодействия университетов с обществом и государством, проблемы университетских реформ, университетский кризис рубежа XVIII–XIX вв., наконец, возникновение в начале XIX в. нового типа немецкого «классического» университета, построенного на идеях неогуманизма, что было осознано как решающее событие немецкой университетской истории, обеспечившее ее успешное продолжение в XIX–XX вв.

В связи с последним нельзя не сказать об одной важной тенденции, ярко проявившейся в историографии XX в.: немецкий «классический» университет, который первоначально мыс-

⁵⁷ Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde. Berlin, 1953; Winter E. L. Blumentrost d.J. und die Anfänge der Peterburger Akademie der Wissenschaften // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volkdemokratischer Länder Europas. Bd. 8, Berlin 1964. S. 247—269; Winter E. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18.ten Jahrhundert. Berlin, 1981.

⁵⁸ Mühlpfordt G. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen in der Zeit der Aufklärung (Christian Wolff und die Gründung der Peterburger Akademie der Wissenschaften) // 450 Jahre Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Halle, 1952. Bd. 2. S. 161—202; Mühlpfordt G. Russlands Aufklärer und die Mitteldeutsche Aufklärung: Begegnungen, Zusammenwirken, Partnerschaft // Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert / Hrsg C. Grau, S. Karp. Wiesbaden, 1997. S. 83—166; Мюльпформ Г. Система образования в Галле и ее значение для России // Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 159—169.

⁵⁹ Grau C. Petrinische kulturpolitische Bestrebungen und ihr Einfluß auf die Gestaltung der deutsch-russischen wissenschaftlichen Beziehungen im ersten Drittel des 18.ten Jahrhunderts. Habilitationsschrift. Berlin, 1966.

⁶⁰ Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller (1705—1783): Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands (Herforder Forschungen, 19). Frankfurt a. M., 2005.

лился лишь как одна из разновидностей, постепенно превращался в интерпретациях историков в наивысшее выражение «идеи университета» как таковой.⁶¹ Доказывая это, исследователи подчеркивали, что на рубеже XVIII–XIX вв. прежний средневековый университет находился на грани полного краха, трансформации в специализированные школы, как во Франции, или сугубо воспитательные учреждения, как в Англии. Только соединение старых форм университета с новым содержанием, внесение в университет активной научно-исследовательской деятельности, достигнутое в Германии, придало ему импульс развития, одновременно и реформировав его (что позволило разрешить все накопившиеся проблемы), и сохранив изначальный смысл университета как объединения ученых. Наиболее четко эти идеи отразились в книге Х. Шельского «Уединение и свобода. Идея и образ немецкого университета и его реформы».⁶² Написанная ярко и убедительно, эта работа была, однако, теснейшим образом обусловлена временем своего создания, а проводившаяся в ней актуализация идей немецкого «классического» университета, наследия В. фон Гумбольдта призвана служить исторически обоснованным аргументом в спорах о путях университетских реформ в ФРГ 1960-х гг., где, в частности, сам Шельский отстаивал созданную им инновационную модель университета в Билефельде.

Тем не менее, в последующие за выходом книги Шельского десятилетия историки смогли выработать более объективный взгляд на проблему, который включал в себя переход от «вневременных» и «вечно актуальных» ценностей к рассмотрению определенной университетской модели в ее историческом контексте XIX – начала XX в.⁶³ На рубеже XX–XXI вв. абсолютизация принципов классического университета вне их конкретно-исторического контекста получила в историографии название «гумбольдтовского мифа», исследованию которого был посвящен целый ряд сборников.⁶⁴ В них были не только вскрыты его исторические корни, но и проведено тщательное исследование того, насколько конкретные черты высшей школы XIX – начала XX в. соответствовали провозглашаемым идеалам «классического» университета, и это вновь позволило доказать реальность воздействия этих идей как на немецкие университеты XIX в., так и на развитие университетского образования в других странах того времени. В последнем из изданных сборников, характерно озаглавленном «Гумбольдтовский интернационал», были помещены статьи о влиянии «классического» университета в XIX в. на Голландию, Бельгию, Норвегию, Великобританию, Францию, Венгрию, США, Японию и Китай (но, к сожалению, исследований о России в том же ключе здесь не оказалось).

Отсутствие российской тематики в ведущих международных сборниках по университетской истории последних лет, на наш взгляд, не случайно. Происходит своего рода историографическое «отражение»: в силу тенденции отечественных историков видеть развитие российских университетов изолированным и их западные коллеги не имели достаточного сравнительного материала, чтобы вписать это развитие в европейский контекст. Ярким примером этого служит такой фундаментальный проект, как «История университета в Европе» – сведения о т. н. «русской», или «царской» университетской модели приведены в нем со ссыл-

⁶¹ Философское обоснование «идеи университета», опиравшееся на немецкую классическую философию, в XX в. представляли работы Э. Шпрангера, К. Ясперса и др.: *Spranger E. Über das Wesen der Universität*. Leipzig, 1910; *Die Universitätsideale der Kulturvölker* / Hrsg. von R. Schairer und C. Hofman. Leipzig, 1925; *Jaspers K. Die Idee der Universität*. Berlin, 1946; *Kopetz H. Forschung und Lehre: die Idee der Universität bei Humboldt, Jaspers, Schelsky und Mittelstrass*. Wien, 2002.

⁶² *Schelsky H. Einsamkeit und Freiheit. Idee und Gestalt der deutschen Universität und ihrer Reformen*. Reinbeck, 1963 (2. Aufl. Düsseldorf, 1971).

⁶³ *McClelland Ch. State, Society and University in Germany. 1700—1914*. Cambridge, 1980; *Boehm L. Wilhelm von Humboldt (1767—1835) and the University: Idea and Implementation* // *Town and Gown: the University in Search of its Origin* / Ed. W. Rüegg. Geneve, 1983. P. 89—105; «Einsamkeit und Freiheit» neu besichtigt. *Universitätsreformen und Disziplinbildung in Preußen als Modell für Wissenschaftspolitik im Europa des 19. Jahrhunderts*. / Hrsg. von G. Schubring. Stuttgart, 1991.

⁶⁴ «Mythos Humboldt»: *Forschung & Lehre. Mitteilungen des deutschen Hochschulverbandes* 12 (1995). S. 654—677; *Rüegg W. Der Mythos der Humboldtschen Universität* // *Universitas in theologia – theologia in universitate*. Zürich, 1997. S. 155—174; *Mythos Humboldt. Vergangenheit und Zukunft der deutschen Universitäten* / Hrsg. von M. G. Ash. Wien; Köln; Weimar, 1999; *Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert* / Hrsg. von R. Ch. Schwinges. Basel, 2001.

кой на значительно устаревшие работы или обзоры общего характера, конкретного же анализа, основанного на широкой фактической базе, здесь нет.⁶⁵ Лишь голландский историк В. Фрий-офф в главе о типологии университетского образования в Средние века и раннее Новое время поставил важную проблему – что представлял из себя университет в России на начальном этапе его существования в XVIII в., и, в частности, указал, что из-за недостатка учебных заведений в предшествующий период большое значение для России получили коллегии-академии по польскому образцу в Киеве и Москве, и из них в особенности Киевская «рассматривалась как подлинный университет», где преподавались языки, свободные искусства и богословие таким же образом, как и в иезуитских университетах в Европе, поддерживавших лишь философский и богословский факультеты. Петровские же меры значительно «перепутали» дело, присоединив название «университета» к проекту Академии наук.⁶⁶ В целом же, во втором и третьем томах книги России посвящено лишь по несколько страниц, что, на наш взгляд, явно недостаточно для страны, которая уже в начале XIX в. построила собственную систему университетского образования.

Итак, обзор историографии показал, что тема взаимосвязи становления высшего образования в России с историей европейских университетов пока не получила своего подробного исследования, хотя ее отдельные аспекты затрагивались в работах как российских, так и зарубежных историков. Анализ российской историографии демонстрирует, что, несмотря на значительные достижения в разработке истории отечественных университетов, многие проблемы, относящиеся к эпохе их зарождения и последующим реформам и требующие освещения в контексте европейской истории, изучены еще явно недостаточно. Так, в концептуальном осмыслении нуждается проблема определения «европейских образцов», которые (в позитивном или негативном смысле) стояли перед каждой реформой университетского образования в России – они черпались из ближайших и родственных немецких университетов, но детальное исследование их идейной близости и механизмов сближения до сих пор в историографии не представлено. Центральное в этом аспекте понятие о «классическом», или «гумбольдтовском» университете еще ни разу не применялось в историографии для анализа проблем развития российских университетов первой половины XIX в., и актуальность такого подхода очевидна, особенно в свете международных исследований по университетской истории.

* * *

Весь корпус источников по теме исследования можно разделить на несколько *групп*. К первой относятся законопроекты университетских реформ в России XVIII – первой половины XIX в. Они включают в себя источники, представляющие собой законодательную базу, на которой формировались и развивались российские университеты, а также сопровождающие их подготовку проекты законов, уставов и программные записки.

Самыми ранними памятниками такого рода, с которых можно вести историю университетского образования в России, явились «Привилегия Московской Академии», подготовленная в начале 1682 г. Сильвестром Медведевым для царя Федора Алексеевича,⁶⁷ а также грамоты царя Петра Алексеевича, выданные Киевской Академии в 1694 и 1701 гг.⁶⁸ В этих источниках впервые применительно к российскому высшему учебному заведению встречается

⁶⁵ A History of the University in Europe. Vol. 3. P. 10, 52, 66–67.

⁶⁶ A History of the University in Europe. Vol. 2. P. 48.

⁶⁷ ОР ГИМ. Синодальное собрание, № 44; соврем. публ.: Фонкич Б. Л. «Привилегия на Академию» Симеона Полоцкого – Сильвестра Медведева // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 279–297.

⁶⁸ Грамота от 11 января 1694 г. впервые опубликована в труде: Голубев С. Т. Киевская академия в конце XVII – начале XVIII столетия // Труды Киевской духовной академии. 1901. № 11. С. 313–315; грамота от 26 сентября 1701 г. – Памятники киевской комиссии для разбора древних актов. Киев. 1898. Т. 2. № XXXVII.

понятие о его привилегиях и особом правовом статусе в государстве, аналогичном положению автономных университетских корпораций в Европе. Само слово «университет» впервые встречается в законодательстве в подписанном Петром I «Проекте об учреждении Академии наук и художеств» (1724),⁶⁹ а позже положение «Академического университета» было более детально оформлено в первом Уставе Петербургской Академии наук (1747).⁷⁰ Первым же законом, оформлявшим устройство и права российского университета в соответствии с европейскими представлениями о привилегированной корпорации ученых, явился «Проект об учреждении Московского университета и двух гимназий», подписанный императрицей Елизаветой Петровной 12 января 1755 г.⁷¹ О том, насколько важно было при основании первого университета России закрепить его новый, непривычный для отечественных реалий правовой статус, свидетельствуют еще два указа, появившиеся вслед за «Проектом» в 1756 и 1757 г. и подтверждавшие судебный иммунитет университета и его неподотчетность местным органам власти.⁷² Авторство этих указов, как и самого «Проекта», несомненно, принадлежит И. И. Шувалову, однако явилось плодом его совместной работы с М. В. Ломоносовым, о чем свидетельствует известное письмо последнего к Шувалову, посланное в мае-июне 1754 г.⁷³ Надо заметить, что «Проект» рассматривался Шуваловым не как окончательный, а лишь как первоначальный, необходимый для приведения всего предприятия в действие, поэтому уже в 1760 г. им была инициирована работа над полным Уставом (Регламентом) Московского университета, подготовленным к весне 1762 г., который, однако, не был утвержден из-за политических перемен в государстве, а его текст не сохранился.

Законодательство об университетах в царствование Екатерины II нашло отражение лишь в указе от 29 января 1786 г. «О составлении плана для заведения университетов в Пскове, Чернигове и Пензе»,⁷⁴ доказывавшего, что у императрицы имелись широкие планы проведения университетской реформы, не воплощенной в жизнь. Об этом свидетельствуют и сохранившиеся университетские проекты екатерининского времени: о преобразовании Московского,⁷⁵ попытках открытия Петербургского,⁷⁶ Батуринского⁷⁷ университетов, создании общего Устава для предназначенных к открытию новых университетов⁷⁸ (кроме названных в Пскове, Чернигове и Пензе, на рубеже 1780—90-х гг. существовал также план открытия университета

⁶⁹ ПСЗ. Т. 7. № 4443.

⁷⁰ Там же. Т. 12. № 9425.

⁷¹ Там же. Т. 14. № 10346.

⁷² Там же. № 10515, 10781.

⁷³ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 10. М.; Л., 1959. С. 508, 513–514; факсимильное воспроизведение письма, на котором видны пометки И. И. Шувалова – Там же. С. 509–512.

⁷⁴ ПСЗ. Т. 22. № 16315.

⁷⁵ Проект Регламента Императорского Московского университета, представленный Екатерине II в 1767 г. и подписанный его профессорами (Чтения в ОИДР. 1875. Кн. 2. Отд. V. С. 187–212); записка Г. Ф. Миллера о преобразовании Московского университета (РГАДА. Ф. 199. Порт. 412. Ч. 1. № 14. Л. 1–28); проект его нового штата, составленный куратором В. Е. Адодуровым в конце 1760-х гг. (Там же. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 178–201 об.); записка куратора И. И. Мелиссино «Краткое начертание для приведения Императорского Московского университета в совершенно цветущее состояние» (1778) (опубл.: Рубинштейн Е. И. Новый источник по истории Московского университета 70-х гг. XVIII в. // Вестник Московского университета. Сер. История. 1986. № 2. С. 65–79); проект «Устава Императорского Московского университета и при нем гимназий», написанный И. И. Шуваловым (1783) (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 8 – 21 об.) вместе с новым штатом (Там же. Л. 22–31 об.), разъяснениями отдельных его пунктов, представленными в Комиссию об учреждении народных училищ в 1786 г. (Там же. Л. 52–55 об.; опубл.: Чтения в ОИДР. 1867. Кн. 3. Отд. V. С. 103–106).

⁷⁶ Этому посвящены записки и проекты М. В. Ломоносова первой половины 1760-х гг.: Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 9. М.; Л., 1955. С. 557–561, 565–566; Т. 10. М.; Л., 1959. С. 20–21, 41, 160–165.

⁷⁷ Написанный Е. Н. Тепловым еще в 1760 г. для малороссийского гетмана графа К. Е. Разумовского и рассматривавшийся Екатериной II «Проект к учреждению университета Батуринского» (Чтения в ОИДР. 1863. Кн. 2. Отд. V. С. 67–84).

⁷⁸ «План учреждения в России университетов» был подготовлен О. П. Козодавлевым и одобрен на заседании Комиссии об учреждении народных училищ в феврале 1787 г. (РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 144–198; полностью опубликован в кн.: Сухомлинов М. И. История Российской академии. Т. 6. СПб., 1882. С. 58–123).

в Екатеринославе, упоминание о чем встретилось в одном из обнаруженных нами архивных дел, согласно которому для этого университета уже начинали приглашать преподавателей,⁷⁹ однако никаких конкретных документов – проектов устава, записок, штатов и т. д., относящихся к данному университету, – найдено не было). До нас дошли и общие проекты создания системы учебных заведений России, в которой высшую ступень занимали университеты: представленный профессором Ф. Г. Дильтеем в 1764 г. проект «Об учреждении разных училищ для распространения наук и исправления нравов» (где упоминались Московский, Дерптский и Батуринский университеты),⁸⁰ рассматривавшиеся Екатериной II в 1775–1776 гг. записки просветителей Д. Дидро «План университета или школы публичного преподавания всех наук для Российского правительства» и Ф. М. Гримма «Опыт об образовании в России».⁸¹ Все названные законопроекты носят несомненные следы усвоения в России опыта организации университетского образования из Германии, а некоторые и напрямую обсуждают возможность переноса в Россию форм немецких университетов XVIII в., как традиционной «доклассической», так и немецкой «модернизированной». Отметим, что если относящееся к XVIII в. законодательство о российских университетах хорошо изучено, то этого нельзя сказать о проектах реформ, среди которых даже известные историкам тексты (значительную их часть обнаружил в начале XX в. С. В. Рождественский) зачастую не использовались активно в научном обороте.

Ключевые для темы данного исследования законодательные акты были приняты в начале XIX в. и характеризовали этапы и содержание университетской реформы Александра I. Это, прежде всего, Манифест об учреждении министерств от 8 сентября 1802 г., одним из пунктов которого являлось открытие (первого в Европе!) министерства «народного просвещения, воспитания юношества и распространения наук»,⁸² затем, изданный в тот же день указ о создании центра по организации университетской системы Российской империи – Комиссии об училищах, основной задачей которой была поставлена подготовка к учреждению новых университетов,⁸³ и, наконец, два документа, определившие основные организационные принципы новой университетской системы России – «Предварительные правила народного просвещения», утвержденные императором 24 января 1803 г.,⁸⁴ и тесно связанный с ними первый российский общеуниверситетский Устав 5 ноября 1804 г.,⁸⁵ первоначально распространенный на Московский, Казанский и Харьковский университеты, а позднее – и на Петербургский университет. Еще два российских университета получили в эти годы собственное законодательное обеспечение: «Акт постановления для Императорского университета в Дерпте» от 12 декабря 1802 г.⁸⁶ и «Акт утверждения для Императорского университета в Вильне» от 4 апреля 1803 г.⁸⁷

Подготовительные по отношению к этим базовым документам университетские проекты александровской эпохи наиболее активно создавались и обсуждались в течение трех лет – с начала 1802 г. до конца 1804 г. Среди них сохранились записки и доклады, составленные Ф. С. Лагарпом,⁸⁸ В. Н. Каразиным⁸⁹, М. Н. Муравьевым⁹⁰, Ф. И. Янковичем де Мириево и Н.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 17. Он. 1. Ед. хр. 81. Л. 1–3.

⁸⁰ Там же. Ед. хр. 58. Л. 126–162 об.; опубли.: Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX в. / Сост. С. В. Рождественский. СПб., 1910. С. 10–44.

⁸¹ Там же. Ед. хр. 82. Л. 1 – 109 об.; опубли.: Дидро Д. Собрание сочинений. Т. 10. М., 1947. С. 271–371, 372–380 (записка Ф. М. Гримма).

⁸² ПСЗ. Т. 27. № 20406.

⁸³ Там же. № 20407.

⁸⁴ Там же. № 20597.

⁸⁵ Там же. Т. 28. № 21498.

⁸⁶ Там же. Т. 27. № 20551.

⁸⁷ Там же. № 20701.

⁸⁸ Опубли. в кн.: Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Риссординжмента. М., 1959. С. 689–696.

⁸⁹ Предначертание о Харьковском университете (1802) // Русская старина. 1875.

⁹⁰ Сохранились две редакции проекта Устава Императорского Московского университета, написанные М. Н. Муравьевым.

И. Фусом⁹¹, кураторами Московского университета⁹² (и еще несколько проектов тех же лет, в частности, проект Устава Московского университета, составленный в 1802 г. его директором И. П. Тургеневым, и «Предначертание устава об общественном воспитании» В. Н. Каразина (1802) утрачены). Особый интерес среди этих источников представляет доклад Комитета по рассмотрению новых уставов ученых заведений, представленный императору Александру I 8 августа 1802 г.⁹³ Из его текста можно судить не только о результатах работы Комитета, которые находились в прямой преемственности с проектами екатерининских времен, но и о содержании разработанного здесь проекта университетского устава, не сохранившегося, но значительно повлиявшего на дальнейшую судьбу александровской реформы. Также именно в данном докладе были сформулированы рекомендации, непосредственно подводившие к созданию самостоятельного министерства народного просвещения, действительно появившегося на свет спустя месяц.

Законодательные акты, относящиеся к министерству народного просвещения первой половины XIX в., удобно изучать с помощью изданного в 1860—70-е гг. «Сборника постановлений по министерству народного просвещения»⁹⁴, где собраны все постановления, требовавшие утверждения императора (Уставы отдельных университетов, указы, высочайше утвержденные доклады министра, мнения Комитета министров и т. д.), Как правило, сборник дублирует «Полное собрание законов Российской империи», но, во-первых, представляет собой тематическую подборку законов, облегчающую анализ, а, во-вторых, имеет дополнения – так, например, Устав Дерптского университета от 12 сентября 1803 г. в ПСЗ не вошел и помещен только в «Сборнике постановлений...».

Для понимания происходившего в 1810-е гг. пересмотра университетской политики важное значение имеет анализ программных записок графа В. П. Кочубея⁹⁵ и А. С. Стурдзы,⁹⁶ адресованных императору, в которых недостатки университетской системы в России напрямую увязывались с текущей ситуацией в немецких университетах и была выдвинута цель «преодолеть» негативное влияние последних на Россию. Другим вариантом отклика на события в Германии явились попытки модификации университетской системы, созданной реформой начала XIX в., в связи с основанием 8 февраля 1819 г. Петербургского университета,⁹⁷ а также принятием 4 июля 1820 г. нового Устава Дерптского университета.⁹⁸ Источником первостепенной важности, позволяющим оценить степень прямого воздействия на Россию форм «классического» университета, служит проект Устава Петербургского университета, полный текст которого, написанный в 1819 г. попечителем Петербургского учебного округа С. С. Уваровым, к сожалению, не сохранился, но допускает детальную реконструкцию на основе опубликованных С. В. Рождественским отзывов членов Главного Правления училищ, в которых сам проект

Первая (1803) хранится в ГАРФ (Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 2—12) и РГИА (Ф. 733. Оп. 28. Ед. хр. 23. Л. 1—11), а черновики к этой редакции обнаружены нами в записной книге М. Н. Муравьева (РО РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 14. Л. 17 – 31 об., 40—41). Вторая (1803—1804) находится в ГАРФ (Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 17—31), опубли. в кн.: Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 2000. С. 271—283.

⁹¹ Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII—XIX в. СПб., 1910. С. 381—395.

⁹² Краткое начертание нужд Московского университета (1802) // ОПИ ГИМ. Ф. 316. Ед. хр. 2. Л. 1 – 5 об.

⁹³ ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1—10; опубли. в кн.: Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. С. 257—269.

⁹⁴ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1—2. 1-е изд., СПб., 1864; 2-е изд. (расширенное). СПб., 1875—76.

⁹⁵ О положении Империи и о мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительством составляющие (1814) // Сборник РИО. 1894. Т. 90. С. 10—16.

⁹⁶ О нынешнем положении Германии / Перевод и публ. Е. Ляминой // Культурные практики в идеологической перспективе. Россия XVIII – начала XX в. [Россия-Russia. Вып. 3]. М., 1999. С. 146—157; План организации Дерптского университета // ОПИ ГИМ. Ф. 404. Ед. хр. 21. Л. 54—61.

⁹⁷ ПСЗ. Т. 36. № 27675.

⁹⁸ Там же. № 28302.

обильно цитировался с указанием номеров глав и параграфов.⁹⁹ Существуют также и некоторые подготовительные материалы к проекту в личном фонде С. С. Уварова.¹⁰⁰ Влияние немецкого «классического» университета на Россию в последующую эпоху университетских реформ (1830—40-е гг.) отражено в новом общероссийском университетском Уставе 26 июля 1835 г., а также Уставе университета св. Владимира в Киеве 9 июня 1842 г. Ряд постановлений министерства народного просвещения 1840-х гг. касался дальнейшего сближения этих систем, в том числе развития приват-доцентуры во всех российских университетах (1843)¹⁰¹.

Для целей сравнительного анализа в книге привлечены *законодательные акты европейских университетов и программные сочинения, обосновывавшие их устройство*. Среди них – первые уставные документы «доклассических» университетов на территории Восточной Европы (Привилегии Виленской академии 1578 и 1579 гг.¹⁰²), устав первого немецкого «модернизированного» университета в Галле (1694).¹⁰³ Большое значение для изучения процессов «модернизации» европейских университетов в сравнении с Россией имеют документы об основании Гёттингенского университета¹⁰⁴ и материалы австрийских учебных реформ 1750—80-х гг.¹⁰⁵ Законодательство «классического» университета анализируется на основании Устава Берлинского университета (1816).¹⁰⁶ Воплотившиеся там принципы обсуждались и обосновывались в трактатах и программных записках деятелей высшего образования первой половины XIX в. В. фон Гумбольдта, Ф. Шлейермахера, Ф. фон Савиньи, И. Г. Фихте, Г. Штеффенса,¹⁰⁷ находя при этом непосредственный отклик в России.

Следующую группу источников составляют *материалы текущего делопроизводства университетов и органов управления народным просвещением в России*. В XVIII в. еще не существовало единого органа, которому бы подчинялись все отечественные высшие учебные заведения. Попытка его создания была предпринята в 1783 г. с основанием Комиссии об учреждении народных училищ. Однако дела Московского университета, с момента основания получившего особый правовой статус, были подведомственны Сенату, а по «случающимся нуждам» его кураторы имели право непосредственно обращаться к императрице. Тем самым, эти дела попадали в Кабинет Ее Величества, а оттуда перешли на хранение в т. н. «Госархив», ныне вошедший в состав РГАДА.

Именно в РГАДА (ф. 17, Госархив, коллекция «Наука, литература и искусство», оп. 1, а также ф. 359, «Дела Московского университета») хранится в настоящее время основное количество дел, относящихся к истории Московского университета за вторую половину XVIII в., что отчасти позволяет компенсировать утрату его собственного архива, как известно, сгоревшего в 1812 г. Ряд таких дел важен для анализа связей Московского университета с Европой и, в особенности, пребывания в нем немецких профессоров. Среди них – доклады и распоряжения куратора Московского университета И. И. Шувалова (ф. 17, ед. хр. 38), дела о рассмотрении императрицей Екатериной II проекта Устава Московского университета, составленного его немецкими профессорами (ф. 17, ед. хр. 39), об увольнении из университета и последую-

⁹⁹ Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835 / Под ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. С. 63—130.

¹⁰⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 38–39 об., 192–193 об.

¹⁰¹ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 38 – 39 об., 192 – 193 об.

¹⁰² Academia et Universitas Vilnensis: Vilniaus universiteto steigimo dokumentai. Vilnius: Kultūra, 2004.

¹⁰³ Оpubл. в кн.: Schröder W. Geschichte der Friedrichs-Universität zu Halle. Berlin, 1894. Т. 2. S. 381—438.

¹⁰⁴ Die Privilegien und ältesten Statuten der Georg-August-Universität zu Göttingen / Hrsg. von W. Ebel. Göttingen, 1961.

¹⁰⁵ Приложены к кн.: Engelbrecht H. Geschichte des österreichischen Bildungswesens. Erziehung und Unterricht auf dem Boden Österreichs. Bd. 3. Von der frühen Aufklärung bis zum Vormärz. Wien, 1984.

¹⁰⁶ Оpubл. в кн.: Lenz M. Geschichte der Königlich Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Bd. 4. Halle, 1910. S. 223—263.

¹⁰⁷ Произведения, составившие идейный фундамент «классического университета», были изданы в составе сборника: Die Idee der deutschen Universität. Die fünf Grundschriften aus der Zeit ihrer Neubegründung durch klassischen Idealismus und romantischen Realismus / Hrsg. von E. Anrich. Darmstadt, 1956.

щем восстановлении на службе по указу Екатерины II профессора Ф. Г. Дильтея (ф. 17, ед. хр. 42), о пререканиях директора М. М. Хераскова с профессором И. Г. Рейхелем (ф. 17, ед. хр. 45), контракты профессоров (ф. 359, ед. хр. 5, а также ф. 248, 3-й департамент Сената, оп. 1, ед. хр. 5477). Особую важность для характеристики состояния дел в Московском университете конца XVIII в. имеет находящееся в фонде Тайной экспедиции дело «О бывшем Московского университета профессоре Мельмане, преподававшем ученикам атеизм, уволенном от службы и высланном из России за богохульные мнения» (ф. 7, оп. 1, ед. хр. 2858), которое рассказывает о столкновении представителя немецкой академической среды с российскими властями, закончившемся трагическим исходом.

При пожаре 1812 г. из архива Московского университета удалось все-таки спасти пятнадцать шнуровых книг, содержащих протоколы Конференции Московского университета и копии ордеров кураторов за 1756–1770 и 1786 гг. Сейчас они хранятся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ¹⁰⁸ и в 1960–63 гг. были опубликованы.¹⁰⁹ Этот источник дает обширный материал для анализа адаптации идеи европейского университета на русской почве, отражая взгляды профессоров, большинство из которых в указанные годы прибыли из Германии и остро чувствовали различия в организации университетов там и в Москве, в то же время способствуя переносу в Россию определенных европейских институтов и традиций. Кроме того, в ОРК НБ МГУ были найдены и еще несколько делопроизводственных документов конца XVIII в., дополняющих протоколы прежних лет¹¹⁰.

Фонд Комиссии об учреждении народных училищ находится в РГИА (ф. 730) и содержит документы за 1783–1803 гг., преимущественно о разработке планов и учреждении начальных и средних школ в ряде губернских городов России. Для анализа подготовки университетской реформы интерес представляет лишь одно дело «О сочинении плана университетов и гимназий и разработке Устава народных училищ» (оп. 1, ед. хр. 86), которое вобрало в себя историю создания «Плана учреждению университетов в России», составленного О. П. Козодавлевым и одобренного Комиссией в феврале 1787 г.

Зато при рассмотрении начального этапа университетской реформы Александра I ключевое значение имеет источник, связанный с деятельностью другой Комиссии об училищах, начавшей работу согласно императорскому указу в сентябре 1802 г. Анализ журналов ее заседаний впервые проведен в данной работе и пролил свет на то, как именно шел процесс разработки основных принципов реформы¹¹¹. Приложения к журналам, куда помещали все составленные членами Комиссии и обсуждавшиеся на заседаниях проекты и записки, к сожалению, не сохранились. Поэтому тем большее значение имеет представленный в протоколе пересказ одобренных Комиссией пунктов того или иного проекта, что позволяет восстановить их содержание. В качестве одного из дополнительных источников при изучении этапов разработки Устава 1804 г. и начала массового приглашения немецких профессоров в Россию также использованы журналы Главного Правления училищ – коллегиального органа руководства министерством народного просвещения с февраля 1803 г.¹¹²

Опубликованная часть делопроизводства министерства народного просвещения за первую половину XIX в. вошла в «Сборник распоряжений министерству народного просве-

¹⁰⁸ ОРК НБ МГУ, 5 Те 25 рук. 636–651.

¹⁰⁹ Научную обработку и комментирование документов выполнила Н. А. Пенчко: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1–3. М., 1960–1963.

¹¹⁰ Материалы и документы по истории Московского университета хранятся в ОРК НБ МГУ под шифрами 5 Те 25 рук. 652–657; 5 Те 342 рук. 81; 5 Те 343 рук. 205.

¹¹¹ РГИА. Ф. 731. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1 – 18 об.; полностью опубликованы С. Ф. Платоновым и А. С. Николаевым в кн.: Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народного просвещения. СПб., 1897. Т. 2. С. 1–22.

¹¹² Там же. Ф. 732. Он. 1. Ед. хр. 1–16.

щения» (Т. 1–2. СПб., 1866), где приведены циркуляры и другие предписания, подписанные министром. Они предоставляют обширное поле для изучения политики министерства по отношению к немецким университетам (так, здесь опубликованы инструкции министра относительно процесса приглашения в российские университеты немецких профессоров¹¹³).

Основная же часть неопубликованных дел находится в составе фонда Департамента народного просвещения (РГИА, ф. 733). Этот фонд содержит свыше 100 тысяч дел, охватывающих всю историю министерства вплоть до 1917 г., в том числе, двадцать пять описей фонда содержат дела о российских университетах за первую половину XIX в. Среди них находятся документы о зачислении и увольнении немецких профессоров, а также обширный материал о научных командировках в Германию отечественных университетских ученых, а также о подготовке будущих профессоров российских университетов за границей, начавшейся в 1800-е гг., но широко продолжившейся в 1830—40-е гг. Выявление этих дел требует кропотливого архивного поиска: материалы о командировках или иностранных профессорах не собраны вместе, а распылены по всему фонду. Для первой половины XIX в. структура фонда разделена по учебным округам, каждый из которых возглавлялся своим университетом: Петербургскому (оп. 20–24), Московскому (оп. 28–34), Казанскому (оп. 40–41), Харьковскому (оп. 49–50), Дерптскому (оп. 56–57), Виленскому (оп. 65–68), Киевскому (оп. 69–70); кроме того, в отдельную опись выделены дела Главного Педагогического института (оп. 93), который активно занимался в 1830—40-е гг. подготовкой университетских профессоров с их последующим командированием за границу. Следует также отметить одно важное достоинство делопроизводственных источников из фонда Департамента народного просвещения: поскольку с 1803 г. прием на российскую службу приглашаемых немецких профессоров осуществлялся через министерство и сохранившиеся в фонде Департамента дела дают обширную информацию о университетских контактах с Европой в этой связи (например, дело о зачислении профессоров И. Бартельса, Ф. Броннера, И. Литтрова, Х. Френа, И. Эрдмана в Казанский университет (оп. 39, ед. хр. 82), в которое вошла значительная часть переписки попечителя Казанского университета С. Я. Румовского по этому поводу), то это позволяет обойтись без обращения к местным университетским архивам, в которых та же информация дублировалась, и которые, однако, понесли огромные документальные потери (особенно это касается архивов Московского и Харьковского университетов, где дела за первые десятилетия XIX в. не сохранились), тогда как в центральном архиве дела остались невредимыми.

В отдельную группу источников данного исследования входят документы личного происхождения — *мемуары и переписка ученых*. Эти источники наглядно демонстрируют взаимосвязь университетской среды России и Европы. Хронологически их ряд открывается перепиской выдающегося немецкого ученого первой половины XVIII в. Х. Вольфа с российскими государственными деятелями, одной из основных тем в которой служила организация Петербургской Академии наук. Эта переписка содержит свыше 70 писем за 1719–1753 гг., которые хранятся в Архиве Академии наук в Петербурге и были полностью опубликованы еще в середине XIX века А. Куником.¹¹⁴ Основными корреспондентами Х. Вольфа являлись президенты Академии наук Л. Л. Блюментрост, барон И. А. Корф, а также советник Академии И. Д. Шумахер, а через посредничество Блюментроста о содержании писем узнавал Петр I. В переписке отразились первые усилия по налаживанию связей между немецкими университетами и Россией.

Наиболее объемным из существующих собраний ученой переписки Россией с Германией является наследие академика Г. Ф. Миллера, которое в настоящее время разбито между двумя

¹¹³ Сборник распоряжений... Т. 1. С. 151, 174, 177, 260.

¹¹⁴ Wolff Ch. Briefe aus den Jahren 1719–1753. Ein Beitrag zur Geschichte der kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg / Hrsg. von A. Kunik. St. Petersburg, 1860.

архивными хранилищами: петербургским (ПФА РАН, ф. 21, оп. 3) и московским (РГАДА, ф. 199). В составе знаменитых «портфелей Миллера» сохранились несколько тысяч писем, как полученные, так и черновые отпуски отправленных. Особенно активная переписка с немецкими университетами поддерживалась Г. Ф. Миллером в 1754–1765 гг., когда он занимал должность конференц-секретаря Петербургской Академии наук. В этом качестве он принимал участие в приглашении первых профессоров в Московский университет, о чем свидетельствует его переписка со служившими там немецкими учеными, а также кураторами Ф. П. Веселовским и В. Е. Адодуровым¹¹⁵ (заметим, при этом, что не существовало прямой переписки между Миллером и И. И. Шуваловым, поскольку они тогда жили в Петербурге в непосредственной близости друг от друга, и указания от последнего Миллер получал в устной форме). Часть этой переписки, относящаяся к лейпцигскому профессору И. К. Готшеду и его ученикам Х. Г. Кельнеру и И. Г. Рейхелю, была опубликована.¹¹⁶

Роль главного зарубежного корреспондента российских деятелей высшего образования в начале XIX в. играл профессор Гёттингенского университета К. Мейнерс. Его переписка с Россией за 1803–1809 гг. хранится в рукописном отделе библиотеки Гёттингенского университета, где представляет собой отдельную переплетенную тетрадь (как с полученными письмами, так и с черновиками отправленных) объемом более 300 листов (Cod. Ms. Meiners, 41). Часть писем была опубликована немецким исследователем В. Штидой,¹¹⁷ но практически не цитировалась отечественными историками. Центральное место в переписке занимает интенсивный обмен письмами с попечителем Московского университета М. Н. Муравьевым за 1803–1804 гг. (более 20 писем с обеих сторон), в которых оговаривались условия приглашения, требования к ученым, шло кропотливое обсуждение предложенных кандидатур, определялся размер выплачиваемых средств на переезд в Россию и т. д. В последующие годы в переписке Мейнерса присутствует полтора десятка писем, полученных от рекомендованных им ученых уже из России. По количеству разнообразной информации о восприятии немецкими профессорами среды российских университетов начала XIX в. этот источник не имеет себе равных.

Назовем еще один вид эпистолярного источника – письма профессоров попечителю. В частности, в личном фонде попечителя Московского университета М. Н. Муравьева находятся такие письма за 1803–1807 гг., посвященные разнообразным вопросам университетской жизни, например развернутый проект И. Т. Буле по переустройству библиотеки Московского университета по образцу гёттингенской или суждения Ф. Гольдбаха об организации астрономических и геодезических наблюдений.¹¹⁸ Источником такого рода отмечен и Казанский университет, где доверительные отношения сложились между немецким профессором, выполнявшим обязанности инспектора, Ф. К. Броннером и двумя сменившими друг друга попечителями, С. Я. Румовским и М. А. Салтыковым. Оживленная переписка Броннера с обоими попечителями поддерживалась в 1810–1816 гг.¹¹⁹ В ней отражались подробности жизни университета, причем Броннер отстаивал интересы немецких профессоров, привыкших к автономному управлению университетом, от произвола «профессора-директора» И. Ф. Яковкина.

Мемуары ученых встречаются в исследуемый хронологический период редко и тем ценнее каждые из них. Профессор Харьковского университета К. Д. Роммель оставил яркие и содержательные воспоминания о своем пребывании в России в 1810–1815 гг., написанные

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 199. Порт. 546. Ч. 1. № 1; Ч. 2. № 15; Ч. 3. № 6; Ч. 4. № 14, 16; Ч. 5. № 2, 10, 15; Ч. 7. № 19; Ч. 8. № 15, 22.

¹¹⁶ *Lehmann U.* Der Gottschedkreis und Russland. Deutsch-russische Literaturbeziehungen im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 1966.

¹¹⁷ *Stieda W.* Deutsche Gelehrte als Professoren an der Universität Moskau. Leipzig, 1930

¹¹⁸ РО РЫБ. Ф. 499. Ед. хр. 98 (Х. Штельцер), 99 (И. Т. Буле), 103 (Ф. Гольдбах), 105 (Г. Ф. Гофман), 108 (И. А. Иде), 110 (Х. Ф. Маттеи), 114 (Ф. Х. Рейнгард), 115 (Ф. Ф. Рейсс), 120 (Г. Фишер), 123 (Х. Шлёцер), 128 (Г. М. Грельман).

¹¹⁹ Оубл. в кн.: Нагуевский Д. Профессор Ф. К. Броннер, его дневник и переписка (1758—1850). Казань, 1902.

непосредственно после его возвращения на родину.¹²⁰ Роммель подробно описал ситуацию в немецких университетах эпохи наполеоновских войн и причины, подвигнувшие его искать места в России. Характерная особенность его мемуаров состоит в том, что автор сознательно сопоставляет и противопоставляет, во-первых, ученую среду гёттингенского (где он учился) и Харьковского университетов, а во-вторых, приехавших в Харьков немецких профессоров и их русских коллег.

Особо следует выделить замечательные мемуары профессора Дерптского университета Г. Ф. Паррота о пребывании в Петербурге в ноябре-декабре 1802 г., поскольку именно эти записки проясняют детали процесса законодательного утверждения университетской автономии в России. Паррот описал свои свидания с Александром I и участие в разработке «Акта постановления» Дерптского университета (влияние которого на остальные законопроекты университетской реформы начала XIX в. прослеживается по другим источникам). Мемуары Паррота сохранились в отрывке, их полный текст неизвестен, названный же фрагмент был полностью опубликован биографом Паррота Ф. Бинеманом еще в 1902 г., но до сих пор ни разу не привлекал внимание российских историков.¹²¹

Наконец, последняя группа источников, анализируемых в книге, – *периодические издания*, которые используются в той мере, в какой в них нашли отражение непосредственные контакты университетской среды России и Европы. Если в XVIII в. некоторые немецкие ученые издания («Neue Zeitungen für Gelehrten Sachen», «Das Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit») проявляли интерес к становлению университетского образования в России, то в начале XIX в. уже в отечественных журналах («Периодическое сочинение о народном просвещении в России», «Вестник Европы») появлялись, хотя и изредка, статьи о зарубежных университетах. Регулярный же анализ публикаций, свидетельствующий о процессе переноса через публицистику идей «классического» университета из Германии в Россию, возможен для 1830–40-х гг., когда в таких изданиях, как «Журнал министерства народного просвещения», «Отечественные записки», «Московский наблюдатель», «Москвитянин» помещались письма и отчеты молодых русских ученых, побывавших в Германии, а также обзорные публикации о состоянии университетов в различных частях Европы.

Подводя итог, подчеркнем достаточную полноту и репрезентативность источниковой базы исследования, куда входят разнообразные виды документов, позволяющие с различных сторон осветить тему взаимосвязей российского и европейского университетского образования в XVIII – первой половине XIX в. Их исследование помогает преодолеть характерный для отечественной историографии прежний «изоляционистский подход», при котором развитие российских университетов рассматривалось исходя только из внутренних реалий и условий отечественной истории. «Размыкание» российского университетского пространства, показ его действительного развития на фоне и в единстве с Европой важен не только как эмпирический результат, доказанный на определенном хронологическом отрезке времени, но и как методологическая парадигма, актуальность которой очевидна сейчас, во время очередного поиска путей развития российских университетов, и которая утверждает глубокую общность идей, составляющих фундамент любого университета в современном мире.

¹²⁰ Воспоминания К. Д. Роммеля, опубликованы на немецком языке (Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit von Ch. Rommel // Geheime Geschichte und rätselhafte Menschen Sammlung verborgener oder vergessener Merkwürdigkeiten / Hrsg. von F. Bülow. Leipzig, 1854. Bd. 5. S. 421–600). На русский язык переводился лишь отрывок о его службе в России (Пять лет из истории Харьковского университета. Воспоминания профессора Роммеля о своем времени, о Харькове и Харьковском университете. Харьков, 1868). В настоящее время полное и комментированное издание воспоминаний выполнено историками Харьковского университета на украинском языке — Роммель К. Д. Спогади про моє життя та мій час. Харків, 2001.

¹²¹ Bienemann F. Der Dorpater Professor G. F. Parrot und Kaiser Alexander I. Reval, 1902. S. 145–169.

* * *

В основе настоящей книги лежит рукопись диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, защищенной автором в марте 2006 г.¹²² Поэтому я хотел бы выразить глубокую признательность коллегам-историкам, которые своими советами и поддержкой содействовали написанию диссертации, и, прежде всего, моему учителю, заведующему кафедрой истории России XIX – начала XX в. исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, профессору Владимиру Александровичу Федорову. Он ушел из жизни летом 2006 г. после долгой и тяжелой болезни, но память о нем как о необыкновенно отзывчивом, добром и светлом человеке навсегда останется в сердцах всех, кто его знал.

Также я выражаю благодарность всем профессорам и преподавателям исторического факультета МГУ и других университетов, принимавших участие в обсуждении диссертации: С. В. Мироненко, Л. Г. Захаровой, Л. П. Лаптевой, А. Е. Иванову, А. Б. Каменскому, Л. Г. Березовой, М. П. Мохначевой, Д. А. Цыганкову, А. В. Мамонову, Ф. А. Гайде (Москва), Е. А. Вишленковой (Казань), С. И. Посохову и Л. Ю. Посоховой (Харьков), М. Хильдермайеру, Т. Маурер (Гёттинген), М. Л. Ботт (Берлин), Х. Р. Петеру (Галле), В. Береловичу (Париж/Женева), а также директору Германского исторического института в Москве, профессору Б. Бонвечу и всем его сотрудникам, и в особенности А. В. Доронину, за их искреннюю поддержку. Мои особо теплые слова признательности – главному научному сотруднику отдела письменных источников ГИМ Ф. А. Петрову за его неизменную помощь и внимание к моей работе. Должен еще добавить, что значительная часть работы над диссертацией и настоящей книгой проходила в стенах (увы, недавно расформированного) Института истории Общества имени Макса Планка в Гёттингене, который предоставил для этого условия, близкие к тому, что учеными XVIII века называлось *Paradies der Gelehrten*. Возможностью поработать там я обязан исследовательским стипендиям и грантам Gerda-Henkel-Stiftung, Max-Planck-Gesellschaft и DAAD.

В настоящий момент издание книги осуществляется за счет гранта РГНФ (№ 08-01-16107д) и является составной частью международного проекта «*Ubi universitas – ibi Europa. Transfer und Adaptation von Universitätskonzentrationen im Russischen Reich (18 – erste Hälfte des 19. Jahrhunderts)*», получившего финансовую поддержку Gerda-Henkel-Stiftung (AZ 02/SR/08).

Москва, август 2008 г.

---

¹²² Другая часть вошедшего в диссертацию материала опубликована в кн.: Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005.

Глава 1

Возникновение университетов в Центральной и Восточной Европе

Европейский университет как средневековая привилегированная корпорация

Старейшие европейские университеты не имеют своей точной даты основания. Приблизительное время их появления – XII век, к которому восходит история таких университетов, как Париж, Болонья, Оксфорд, Виченца, Монпелье. Их предшественниками здесь выступали монастырские и соборные школы, которые, в свою очередь, являлись хранителями школьных традиций античности и смогли пронести сквозь «темные века» не только элементарную грамотность – умение читать, писать и считать, – но и целый комплекс *artes liberales*, «семи свободных искусств», ставший после каролингской реформы основой средневекового образования.

Процесс превращения этих школ в последующие университеты был длительным и требовал как минимум двух естественных условий: внутренней самоорганизации и внешней санкции верховной власти. Для возникновения первой было необходимо, чтобы город являлся центром притяжения учителей и учеников в европейском масштабе: отсюда вытекала конкуренция ученых между собой с подчас непримиримым столкновением взглядов, а также стечение на узком пространстве внутри городских стен множества выходцев из различных земель и, что было тогда еще важнее, с различным сословным происхождением и правами. Так возникало естественное желание не только гармонизировать возможные конфликты, но и найти твердый способ их разрешения, поскольку обычные нормы средневекового судопроизводства переставали работать, когда встречались представители разных феодальных территорий и сословий, каждый со своей собственной юрисдикцией. Такому желанию отвечало создание собственной корпорации, *universitas magistrorum et scholarum* (лат. – объединение учителей и учеников), по латинскому названию которой и получил свое имя *университет*. Тем самым, эта самоорганизация была вполне аналогична природе цеховых объединений, появляющихся практически в одно время с университетами – по сути последние и были «цехами ученых» со всеми свойственными им элементами корпоративного устройства, о которых речь пойдет дальше.

Однако для оформления своих «цеховых» прав, тем более затрагивающих судебную юрисдикцию в масштабах всей Европы, университету требовалось второе из вышеназванных условий, т. е. был нужен могущественный покровитель, а таковых в XII в. было всего два – римский папа, церковный глава всего христианского Запада, и император Священной Римской империи, претендующий на ту же роль, но уже в отношении светской власти. И папа, и император даровали первым университетам *привилегии*, и это резко возвысило университеты над остальными средневековыми объединениями, придало им особый вес и значение в рамках феодального порядка. Подчеркнем, что если складывание внутренней корпорации первых университетов занимало десятилетия, то и дарование им привилегий не было одномоментным, а могло растянуться на многие годы (как это происходило в случае Парижского университета), но зато именно с получением привилегий и было связано приобретение университетом своего статуса. С этого момента и на долгие столетия вперед, фактически до конца *ancien régime* и самой Священной Римской империи в Европе, социально-правовой контекст последней будет

определять внешние рамки университетской истории, а самым точным и простым определением университета будет служить понятие «привилегированной ученой корпорации». ¹²³

Чтобы лучше это понять, следует остановиться на первой из известных нам университетских привилегий, к которой восходят все остальные и которая была утверждена в 1155 г. Фридрихом Барбароссой для университета в Болонье. Фридрих нуждался тогда, в период своей активной итальянской политики, в услугах болонских юристов для обоснования «законных» притязаний на престол и полномочия римского императора. Изданный им указ поэтому имел двойное значение: с одной стороны, он служил благодарностью за оказанную знатоками римского права политическую помощь, с другой – этими же учеными указ был занесен в готовившийся в Болонье для широкого распространения по всей Европе Кодекс Юстиниана, свод законов поздней Римской империи, признавая, тем самым, за Барбароссой роль прямого наследника прежних императоров. ¹²⁴

Текст указа был, несомненно, подготовлен там же, в Болонье, а потому служит первым свидетельством развития «цехового» сознания ученых, того, как именно они понимали самые насущные нужды своей корпорации. Как и ожидалось, речь в указе шла о разрешении конфликтов. Согласно данной привилегии, любой член университетской корпорации, на которого поступил вызов в суд, получал право самостоятельно выбирать судью, причем из числа членов его же собственной корпорации, у которых он учится (*магистров*). При этом указом запрещалось широко практиковавшееся местными властями заключение студента под стражу за долги, сделанные одним из его соотечественников ¹²⁵.

Оба пункта указа, по сути, освобождали членов университета от юрисдикции местных городских властей, передавая университету права самостоятельной судебной инстанции. *Selbstgerichtbarkeit* (нем., букв. «осуществление собственного суда») – таким термином называется это право в немецкой традиции, и именно в этом смысле и трактовалось первоначально знаменитое университетское понятие «академической свободы» (*akademische Freiheit*), являвшееся основой самосознания университетской корпорации. Оно породило представление об особом «академическом гражданстве», к которому относятся все члены корпорации (и студенты, и преподаватели, и служители университета, а также члены их семей). «Академические граждане» живут по своим собственным законам, отдельно от окружающего их населения, и действительно, уже в Париже право университета на издание новых законов, распространяющихся на членов корпорации, было впервые признано папой римским Иннокентием III в 1208–1209 гг., а затем официально утверждено в важнейшей для этого университета привилегии, изданной папой Григорием IX в 1231 г. ¹²⁶ Более поздние уставы университетов, относящиеся к XIV–XV вв., подробным образом прописывали процедуру университетского суда, который наделялся даже полномочиями выносить смертные приговоры, а для осуществления приговора в его распоряжении находилась университетская полиция и собственная темница — *карцер*, сохранявшая (хотя бы частично) свои исторические функции вплоть до начала XX в.

О том, насколько сознание неотъемлемости «академической свободы» пронизывало всю «доклассическую» эпоху университетской истории, свидетельствуют примеры из начала XIX в., в частности упорные попытки сохранить судебные полномочия Гёттингенского университета в условиях наполеоновской оккупации, желавшей модернизировать судопроизводство в Германии и освободить его от средневековых пережитков ¹²⁷. А, по-видимому, самым поздним законодательным актом в Европе, утверждавшим «академическую свободу» в ее пол-

¹²³ Moraw P. Universitäten, Gelehrte und Gelehrsamkeit in Deutschland vor und um 1800 // Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert / Hrsg. von Rainer Ch. Schwinges. Basel, 2001. S. 18–19.

¹²⁴ Boockmann H. Wissen und Widerstand. Geschichte der deutschen Universität. Berlin, 1999. S. 19.

¹²⁵ Ibid. S. 20–21

¹²⁶ Ibid. S. 61.

¹²⁷ Gundelach E. Die Verfassung der Göttinger Universität in drei Jahrhunderten. Göttingen, 1955. S. 63.

ном традиционном виде, был Устав российских университетов 1804 г., куда эти права были включены, правда не без долгого и острого обсуждения (см. главу 3). В то же время в постепенном изменении содержания «академической свободы» на рубеже XVIII–XIX в. – от судебного иммунитета в пользу свободы для научной и преподавательской деятельности – заключался один из аспектов перехода от «доклассического» к «классическому» университету.

«Академическая свобода» стала важнейшей, но не единственной привилегией университета. Фридрих Барбаросса в своем указе даровал и другое важное право – беспрепятственное передвижение членов университета по территории империи. По словам автора современной истории немецких университетов Райнера Мюллера, оформлявшееся так «университетское пространство» было уникальным для средневековой жизни, поскольку существовало вне границ отдельных стран и законов и не имело на первых порах даже постоянной привязки к «месту обитания» – собственные здания появились гораздо позже, а средневековый университет был очень подвижен и мог легко мигрировать из города в город¹²⁸.

Еще одна из привилегий, утвердившихся в XII–XIII в., имела столь же ведущее значение для оформления ученой корпорации, как и «академическая свобода», – это право университета на присвоение ученых степеней. Уже в указе Барбароссы фигурировало понятие «магистров», ведущих преподавание для слушающих их «школяров» (*scholar* – первоначальное обозначение учащегося, слово «студент» появилось позднее). Возникает естественный вопрос – являются ли эти «магистры» просто синонимом университетских учителей, или уже тогда обозначали определенную квалификацию, т. е. ученое звание, полученное в признание заслуг своего обладателя?

Как показал анализ, проведенный историкам, первоначально слово *magister* употреблялось как почетный личный титул, свидетельствуя, как следует из его перевода (*лат.* руководитель, учитель, наставник), что носитель титула достиг высокого уровня знаний и, соответственно, может передавать их другим. Этим титулом, как правило, награждал своего ученика его прежний учитель, отличая, тем самым, от менее успешных учеников. Наряду с магистром в качестве титулов для ведущих преподавание в университете ученых употреблялись также слова *doctor* (от *лат.* *docere* – учить) и *professor* (от *лат.* *profiteri* – объявлять, излагать публично), причем, по-видимому, на одинаковых основаниях.¹²⁹ Первое намерение превратить эти титулы именно в показатель ученой квалификации, засвидетельствованный членами корпорации, было высказано в Париже в 1213 г., когда канцлер (представлявший в университете власть Парижского епископа) издал распоряжение о том, что читать лекции по богословию и церковному праву в университете должен лишь тот, кто получил одобрение всей коллегии преподавателей (в указе они названы профессорами).¹³⁰ Причиной появления такого указа, очевидно, было слишком большое количество парижских учителей, среди которых требовалось выбрать достойных. В 1219 г. папа Гонорий III, подтверждая эти меры, предписал проводить для них строгие экзамены, ответственность за проведение которых возложил на декана соборной церкви.¹³¹ Так возникла еще одна корпоративная должность, вскоре ставшая обозначать глав будущих факультетов, которые и проводили соответствующие испытания.

Уже в XIII в. эти экзамены приобрели многоступенчатый характер, соответствуя определенным этапам учебы, и, соответственно, умножилась градация ученых степеней: на ее низшей ступени стояли *бакалавры*, прошедшие начальные ступени экзаменов на своем факультете, затем *лиценциаты*, прослушавшие все лекции, выдержавшие полные экзамены у своих профессоров и получающие, вследствие этого, *licentia docendi*, т. е. право на преподавание,

¹²⁸ Müller R. A. Geschichte der Universität. Von mittelalterlichen Universitas zur deutschen Hochschule. München, 1990. S. 35.

¹²⁹ A History of the University in Europe. Vol. 1. P. 144–145.

¹³⁰ Boockmann H. Op. cit. S. 58.

¹³¹ Meiners Ch. Über die Verfassung und Verwaltung deutscher Universitäten. Göttingen, 1801. Bd. 1. S. 328

но пока еще к этому преподаванию не допущенные. Чтобы полноценно вступить во владение своим правом, т. е. получить звание магистра (оставшееся только на философском факультете) или доктора (на остальных факультетах), нужно было пройти *публичный экзамен* – своего рода корпоративный ритуал, происходивший в церкви, в присутствии всех остальных магистров или докторов. На этом экзамене провалиться было уже невозможно, все его роли были заранее расписаны, однако допуск к нему стоил очень и очень дорого, включая подношения всем членам коллегии (сохранявшиеся во многих университетах до XIX века). Хорошую аналогию здесь представляют гильдейские и цеховые платежи, величина которых в средние века удерживала многих от получения высших цеховых степеней – так и в университетах далеко не все лиценциаты решались перейти в магистры или доктора¹³². Таким образом, сложившаяся система ученых степеней одновременно и отражала цеховую природу университета, и имела существенное отличие, поскольку основывалась на привилегиях высшей власти, получая тем самым универсальный характер, признаваемый во всем западном христианском мире.

Действительно, ученые степени магистра или доктора, выданные одним из университетов и обеспеченные соответствующей императорской или папской привилегией, признавались в любом другом университете, а их носитель получал там такое же право на чтение лекций, как и в своей родной *alma mater*. Другое дело, что реализовать это право уже в первые же столетия существования университетов было достаточно сложно, поскольку возникла проблема финансового обеспечения преподающих. Самостоятельно существовать, получая лишь плату от учеников, в условиях больших средневековых городов, таких как Болонья или Париж с их дороговизной, для учителей было сложно. Поэтому, желая стимулировать университет, римские папы разрешили его членам – естественно, духовным лицам – пользоваться бенефициями, т. е. продолжать получать часть доходов от той церкви, к которой они были приписаны. Кроме того, в пользу университета передавались так называемые «синекуры» – должности в церквях, выстроенных на частные пожертвования (*нем.* Stift), служба в которых не была сопряжена с обязанностями приходского священника – *sine cura animarum*. Наконец, еще одной возможностью университетский профессор мог пользоваться, если он являлся монахом монастыря, находящегося в том же городе, что и университет, и, опять-таки, в папских привилегиях заранее предусматривалось количество монастырских мест, передаваемых университету¹³³. Таким образом, обеспечение права преподавания с самого начала оказалось тесно связано с получением определенных кафедр в монастырских или городских церквях. Само слово *кафедра* закрепилось в университетской жизни, причем именно в качестве «единицы финансирования», т. е. «штатного места» профессора, и опять-таки сохраняло этот свой изначальный смысл вплоть до XIX в.

Однако в условиях явного избытка академических кадров, с которым столкнулась история первых университетов, кафедр для всех не хватало. Поэтому в уже упоминавшейся папской булле, адресованной Парижскому университету в 1231 г., право распределения освобождавшихся церковных должностей, закрепленных за университетами, передавалось самой коллегии профессоров¹³⁴. В этом видно начало еще одной важной привилегии университета – права на собственный выбор своих сочленов (*нем.* Selbstergänzung, самовосполнение корпорации). Здесь университеты вновь строго следовали цеховым порядкам.

С утверждением данного права формируется и внутренняя структура корпорации, возникают *факультеты*, т. е. объединения профессоров в зависимости от преподаваемых наук, главной функцией которых было производство в ученые степени. Так, в Парижском университете старейшим являлся артистический факультет (1240), в соответствии с названием объ-

---

¹³² A History of the University in Europe. Vol. 1. P. 147.

¹³³ Boockmann H. Op. cit. S. 78.

¹³⁴ A History of the University in Europe. Vol. 1. P. 147.

единавший учителей семи свободных искусств (в более позднее время за ним закрепилось название философского факультета). В 1260 г. в Париже были официально конституированы три высших университетских факультета: богословский, юридический и медицинский, причем именно в таком порядке, который влиял на ранговые отношения между собой профессоров различных факультетов¹³⁵. В дальнейшем в университетах Священной Римской империи наличие всех четырех факультетов было главным признаком «полноты университета». Чрезвычайная устойчивость этой традиции препятствовала попыткам изменений в факультетской структуре, так, например, возникновение отдельного факультета естественных наук, выделившегося из философского факультета, в Германии стало здесь возможным только во второй половине XIX в.

Помимо проведения экзаменов на степени, факультеты регулярно участвовали в выборах главы корпорации — *ректора* (от *лат.* *regere* – править). На первых порах здесь, впрочем, встречались особенности. Артистический факультет далеко превосходил все остальные по числу учащихся, поскольку его предметы, являясь по сути заменой начального школьного образования, были обязательны для всех студентов и привлекали огромное количество начинающих, большинство из которых не поднималось затем выше первого из экзаменов. Те же из них, кто хотели продолжать обучение на одном из трех высших факультетов, должны были вначале получить степень магистра на артистическом и в течение минимум двух лет вести там преподавание (не занимая, естественно, профессорских мест). Поэтому студент высшего факультета являлся, как правило, одновременно преподавателем на низшем артистическом факультете, откуда вытекало, что последний охватывал, по сути, всех членов университетской корпорации. Поэтому и выборы ректора, согласно уставу Парижского университета XIII в., проводились именно из состава магистров артистического факультета – казалось бы, низшего в иерархии, но зато универсального для всех¹³⁶.

Иная система выборов ректора сложилась в итальянских университетах, прежде всего, в Болонье. Тут факультеты отступили на задний план, а преимущественную роль играла уже другая форма внутренней организации университета, ориентированная на студентов и построенная в зависимости от их происхождения из различных частей Европы — *нации*. В Болонье этих наций было так много, что, группируясь, они образовали две самостоятельные корпорации — *universitas citramontanum* для тех студентов, которые пришли учиться с этой стороны Альп, т. е. из Италии, и *universitas ultramontanum* для студентов с другой стороны Альп (среди которых самой большой из наций была немецкая). Каждая из корпораций выбирала ректора из своего состава, и оба они, таким образом, были студентами, как правило учившимися на одном из высших факультетов, а потому достаточно зрелого возраста¹³⁷.

Болонский и Парижский университеты часто противопоставляют как две различные модели организации университета – студенческую и профессорскую. Впрочем, это касалось только вопросов самоуправления (наиболее ярким различием являлось то, что в Болонье именно студенты подписывали со своими профессорами контракты на чтение лекций в течение определенного количества лет и грозили им штрафами за неисправное преподавание¹³⁸); в остальном же в статусе и корпоративном устройстве обоих университетов было большего общего, чем различий. Так, четыре студенческих нации существовали с 1220 г. и в Парижском университете, хотя не играли ведущей роли в самоуправлении.¹³⁹

¹³⁵ Ehlers J. Paris: die Entstehung der europäischen Universität // Stätten des Geistes. Grosse Universitäten Europas von der Antike bis zur Gegenwart / Hrsg. von A. Demandt. Köln; Weimar; Wien, 1999. S. 83.

¹³⁶ Prahl H. W. Sozialgeschichte des Hochschulwesens. München, 1978. S. 69.

¹³⁷ Boockmann H. Op. cit. S. 70.

¹³⁸ Ibid. S. 71

¹³⁹ Ibid. S. 58.

Последующие, более молодые университеты подчас восприняли смешанную модель, как это случилось в Праге, где во второй половине XIV в. было также образовано четыре нации: саксонская, баварская, богемская и польская¹⁴⁰. Их нужно трактовать, естественно, не в будущем «национальном» смысле (которого еще не существовало), но лишь как приблизительные обозначения мест происхождения студентов: четыре нации, по сути, указывали на четыре стороны света – саксонская нация охватывала всю северную Европу, баварская – западную, от австрийского герцогства до Нидерландов, польская – восточную, включая Пруссию, Лифляндию и т. д., а богемская – южную, в том числе территорию Венгерского королевства.

Однако общее организационное разделение Пражского университета, тем не менее, осуществлялось не по нациям: к одной корпорации, выбиравшей своего ректора, относили себя юристы, а к другой – остальные три факультета, среди которых, естественно, численно преобладали артисты. Первый «университет юристов» ориентировался на пример Болоньи и выбирал своего ректора не из преподавателей, а из студентов, а второй «университет» – напротив, по Парижскому образцу, из магистров артистического факультета. Но и членение по нациям имело при этих выборах большое значение: именно нации определяли выборщиков так, чтобы их полный состав равным образом представлял все четыре нации. Когда в 1409 г. чешский король Вацлав издал т. н. Кутенбергский декрет, по которому богемская нация, естественно самая многочисленная в университете, должна была получить преимущество в три голоса по сравнению с каждым из голосов других наций, это немедленно вызвало бурный протест и исход из Праги как студентов, так и профессоров, не записанных в богемскую нацию, в результате чего образовался новый Лейпцигский университет в соседней Саксонии¹⁴¹.

Но все же, несмотря на некоторое разнообразие форм внутренней организации университетов, которое представляют первые века их истории, в итоге победило единство. Университеты на территории Священной Римской империи германской нации, лежащей севернее Альп, которую мы в дальнейшем и будем называть Германией, с XV в. все без исключения пошли путем, указанным Парижским университетом, т. е. образовывались как факультетские корпорации магистров и докторов во главе с избираемым ими ректором. Модель «профессорского» университета здесь единодушно победила. Нации, хотя и существовали в старейших немецких университетах (Прага, Вена, Лейпциг), но уступили ведущее значение факультетам.

Но вернемся к перечислению университетских привилегий, которые, пожалуй, именно в условиях Германии достигли наибольшего охвата. Если Болонский университет был привилегирован императором, а Парижский – папой римским, то при основании большинства немецких университетов XIV–XV вв. присутствовали привилегии от обоих представителей верховной власти христианского Запада. При этом смысл издававшихся привилегий был двояким: с одной стороны, они были призваны закрепить высокий статус университетов в империи, с которым не могла равняться ни одна другая средневековая корпорация, с другой – каждое из прав, которым наделялся университет, на деле было абсолютно практическим, вызванным к жизни насущными потребностями существования университета в средневековом городе.

Эти две стороны хорошо видны на примере привилегии, наделявшей университетского ректора в период исполнения им полномочий (*qua Amt*) правами имперского придворного пфальцграфа (*Hofpfalzgraf*). На феодальной лестнице Священной Римской империи эта должность располагалась на одном уровне с другими имперскими князьями (*Fürsten*), о чем свидетельствовали ректорские *регалии*, торжественно передаваемые из рук в руки каждому преемнику (многие из них, прежде всего богато украшенные ректорские скипетры, сохранились, и сейчас их можно увидеть в музеях немецких университетов). Ясно, что столь высокий ректор-

¹⁴⁰ Müller R. A. Op. cit. S. 39.

¹⁴¹ Moraw P. Prag: die älteste Universität in Mitteleuropa // *Stätten des Geistes. Grosse Universitäten Europas von der Antike bis zur Gegenwart* / Hrsg. von A. Demandt. Köln; Weimar; Wien, 1999. S. 136–143.

ский ранг придавал особой статус и почет всем членам корпорации, а также дополнительно гарантировал действенность решений университетского самоуправления¹⁴². В то же время права пфальцграфа применялись ректором и для вполне конкретных практических целей, как, например, признание законными гражданами детей, родившихся вне брака (что было настоятельно необходимо в университетском городе), или наделение несовершеннолетних правом «вступления в полный возраст», также весьма полезным университету, где собиралось юношество, еще не достигшее нужных по закону лет. Отметим, что каждая из этих юридических операций требовала оплаты и приносила, тем самым, ректору немалый доход, вообще служивший основой его вознаграждения за дополнительные обязанности в этой должности¹⁴³.

Существовал еще ряд привилегий, свидетельствовавших о высоком общественном престиже университета. Каждый из факультетов имел право цензуры на соответствующие его научной области книги, как созданные в самом университете, так и чужие. Книги, не прошедшие цензуру, заносились в индекс запрещенных изданий и подлежали конфискации. При этом, в соответствии с иерархией факультетов, право высшей цензуры принадлежало богословскому факультету, и в этом был источник внутренних конфликтов, подчас сдерживавших развитие университетской науки: наиболее известным из них стало осуждение профессорами-богословами в университете Галле выдающегося немецкого просветителя Христиана Вольфа, представителя философского факультета того же университета, за чем последовало его изгнание из Пруссии. Только в Гёттингенском университете XVIII в. цензурное право университета было дополнено освобождением от цензуры для произведений всех университетских профессоров, что говорило о «нерушимом доверии» к ним со стороны княжеской власти.¹⁴⁴ О высоком авторитете профессоров свидетельствовало также право юридического факультета выступать в качестве одной из судебных инстанций, куда пересылались дела для процессуального рассмотрения, т. е. осуществлять судебные функции, которые, кроме университетов, принадлежали в империи только князьям и императору¹⁴⁵ (в России схожие функции, в соответствии со средневековыми образцами, в 1803 г. получил юридический факультет Дерптского университета). Наконец, светские и духовные власти направляли в некоторые университеты распоряжения о присылке оттуда депутатов для участия в отдельных заседаниях ландтагов, рейхстага и нескольких церковных соборов.¹⁴⁶

Особую группу привилегий университета составляли те, что использовались им для поддержания своей хозяйственной жизни. К ним относились привилегии на изготовление и продажу лекарств, а также обеспечение членов университета напитками, заменявшими в средние века и раннее новое время воду: право на безакцизный ввоз в город пива и вина, право на содержание погребов и трактиров, где эти напитки продавались в розлив (все это делало пиво в университетских городах весьма дешевым для студентов, к вящему неудовольствию местных пивоваров).¹⁴⁷ Интересам, прежде всего, студентов служило и право свободной охоты в лесах вокруг города, ограниченное только тем, чтобы размер добычи не позволял студентам превращать охоту в способ зарабатывания на жизнь. Впрочем, объем этой и других вышеназванных привилегий постоянно оспаривался городскими властями и служил предметом жалоб со стороны бюргеров.¹⁴⁸

К числу экономических привилегий университетов можно отнести также освобождение его членов от любых общественных сборов: таможенных при въезде в город и ввозе сюда сво-

¹⁴² Ellwein Th. Die deutsche Universität: vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Königstein/Ts., 1985. S. 32—33.

¹⁴³ Meiners Ch. Op. cit. Bd. 1. S. 130—132.

¹⁴⁴ Meiners Ch. Op. cit. Bd. 1. S. 133.

¹⁴⁵ Ellwein Th. Op. cit. S. 33.

¹⁴⁶ Meiners Ch. Op. cit. Bd. 1. S. 128—129.

¹⁴⁷ Ibid. S. 138; ср.: Boockmann H. Op. cit. S. 176.

¹⁴⁸ Meiners Ch. Op. cit. Bd. 1. S. 137.

его имущества, городских налогов всякого рода, а также экстраординарных сборов в военное время, в частности, в этом случае все дома, занимаемые членами университетской корпорации, объявлялись свободными от постоя. Эти привилегии относились к числу старейших: так, несомненна связь освобождения членов университета от таможенных пошлин с объявленной Фридрихом Барбароссой свободой их беспрепятственного перемещения по империи. В то же время в XVIII в. их начали заменять денежными компенсациями, чтобы избежать периодически происходивших злоупотреблений и конфликтов с местными властями.¹⁴⁹

Итак, средневековый университет возник и распространился по Европе как привилегированная корпорация учащихся и учащихся, наделенная своими правами от высшей светской и духовной власти. Его правовой статус можно назвать *университетской автономией* в ее изначальном средневековом понимании, включавшем четыре главных составляющих: во-первых, «академическую свободу», трактуемую как право на осуществление собственного суда по университетским законам и, соответственно, освобождение от юрисдикции местных властей; во-вторых, самовосполнение членов корпорации через выборы на освобождающиеся профессорские кафедры; в-третьих, самоуправление, выражающееся в регулярных выборах ректора и других административных постов; в-четвертых, финансовую самостоятельность распоряжаться дарованными университету доходами, прежде всего от церковных должностей (бенефиций, синекур), от корпоративных взносов, поступающих со студентов, а позднее также доходами от недвижимого имущества. К важнейшей привилегии университета, составляющей его характерный признак, относится также право на производство в ученые степени, универсально признаваемые на всем христианском Западе.

Университетская автономия в ее полноте и образует содержание так называемой «доклассической» модели, которая обнимает более дробные деления университетов (на студенческие и профессорские, полные или неполные и т. д.) и сохраняется во всех основных чертах вплоть до рубежа XVIII–XIX в.

Возможен ли был другой путь возникновения университетов? Чем были бы высшие школы в Европе без своих привилегий? Помогали ли эти привилегии или мешали развитию в университетах науки и преподавания? Вопросы эти, естественно, носят открытый характер. Заметим пока только, что именно привилегии являлись одним из стимулов, привлекавших в университет множество студентов, для которых вступление в ученую корпорацию означало изменение социального статуса, получение прав, которыми раньше они не могли распоряжаться. Поэтому сама *имматрикуляция* в университет, т. е. занесение имени нового члена корпорации в специальные книги – матрикулы, хотя и стоила достаточно дорого, но становилась желанной целью даже для тех, кто совсем не имел наклонностей к учебе. О неодолимой притягательной силе корпоративных прав говорят такие «экзотические» примеры, как существование в XVIII в. в Лейденском университете особой «матрикулы слуг», куда студенты-аристократы записывали своих лакеев, обеспечивая и для них должные городские льготы.¹⁵⁰

Однако притягательную силу указанных привилегий должна была обеспечивать именно внешняя по отношению к университету власть, и в этом заключался один из парадоксов, предопределивших неизбежный кризис «доклассической эпохи». Сам по себе университет никогда не имел столь прочного экономического положения, чтобы чувствовать себя независимым от власти местного имперского князя, в то же время князь был заинтересован в укреплении статуса университета, в привлечении как можно большего числа студентов, которые в конечном итоге пополняли экономику его города и государства.

Именно в Священной Римской империи власти всегда сохраняли широкие возможности вмешиваться в университетскую жизнь. Признавая за университетом обычай жить по соб-

¹⁴⁹ Ibid. S. 140.

¹⁵⁰ См.: Album Studiosorum Academiae Lugduno Batavae. 1575–1875. Hagae, 1875.

ственным уставам, местный суверен в то же время оставлял за собой право дополнять эти уставы, «реформировать» университет, в конечном счете усиливая в нем свое присутствие. Так, уже в первом немецком университете в Праге император Карл IV в 1366 г., впервые в университетской истории, назначил двенадцать мест для артистов и теологов, оплачивавшихся из доходов самого императора, точнее из поступлений от шести принадлежавших ему имений.¹⁵¹ Но вместе с выделением денег на университет из имперской казны постепенно пришло право властей и контролировать бюджет университета, а затем и регулировать его внутреннюю жизнь. В последнем из возникших перед Реформацией немецком университете в Виттенберге, основанном частично благодаря выделенным папой бенефициям, а частично на средства саксонского курфюрста, последний полагал, что право выборов профессоров относится только к половине мест в корпорации, а на остальные же места курфюрст вправе назначать профессоров своей волей, коль скоро он сам же их и оплачивает.¹⁵² В эпоху Просвещения такое мнение получило все большее распространение среди немецких князей.

Тем самым, университетская автономия постепенно теряла свой первоначальный смысл и эволюционировала к новому пониманию, которое будет достигнуто в «классическом» университете. Но прежде, чем это выразилось в серьезном университетском кризисе рубежа XVIII–XIX вв., здесь протекал очень плавный, многовековой процесс, в котором нельзя строго выделить отдельные этапы. И тем не менее, наметить его основные вехи необходимо, для чего послужит краткий очерк распространения университетов в Центральной и Восточной Европе до начала эпохи Просвещения, причем к концу этого периода границы пространства, покрываемого университетами, уже вплотную приблизятся к России.

---

¹⁵¹ Boockmann H. Op. cit. S. 84–85.

¹⁵² Ellwein Th. Op. cit. S. 34.

Университеты Священной Римской империи германской нации в XIV–XV вв.

Начиная обзор истории немецких университетов (т. е. университетов на территории Священной Римской империи германской нации к северу от Альп) с середины XIV в., можно задаться вопросом: а почему их появление здесь запоздало по крайней мере на полтора века по сравнению с другими центрами высшего образования? К этому моменту в разных частях Европы действовало уже свыше тридцати университетов – 15 в Италии, 8 во Франции, 6 в Испании и 2 в Англии, так что по отношению к ним развитие университетской Германии явно запаздывало. Да и темпы ее первоначального распространения были довольно медленными: за первые полстолетия после основания здесь первого университета в Праге (1347) открылись лишь еще четыре новых университета – в Вене (1365), Гейдельберге (1386), Кельне (1388) и Эрфурте (1392), что для такой большой территории, простиравшейся от альпийских хребтов и Адриатического моря на юге до Балтики на севере, кажется недостаточным. Настоящая «волна» оснований университетов прокатилась по этим землям лишь с середины XV до начала XVI в., когда были открыты девять новых университетов, в том числе колыбель Реформации – Виттенбергский (1502), а всего к началу Реформации Германия обладала 16 университетами, что ставило ее, наконец, в один ряд с наиболее густо населенными высшими школами областями Европы.¹⁵³

Но почему же это произошло так поздно? Большое количество немецких уроженцев, учившихся во французских и итальянских университетах в первые века их существования, показывало, что социальные условия и потребности для развития высшего образования в полной мере присутствовали в Германии. Поэтому ответ следует искать скорее в политической области. Здесь не было такого всеобъемлющего центра богословия, как Париж, или юриспруденции, как Болонья, и, значит, маловероятным был путь возникновения университета через «самоорганизацию», а поэтому для его создания нужна была инициатива суверена, причем, естественно, первым из немецких монархов должен был открыть свой университет сам император. Но как раз в XII–XIII в. политика императоров из династии Штауфенов была в основном направлена на утверждение в Италии, а не на обустройство своих немецких владений. За Штауфенами последовало время междоусобицы и череда краткосрочных правлений. Первым же из императоров, кто поставил во главе своей политики обустройство собственного домена в Германии, был представитель новой династии Люксембургов Карл IV. Его доменом являлось Богемское королевство, большую часть жизни этот император провел в Праге, значительно благоустроив ее, поэтому неудивительно, что и первый немецкий университет появился именно в этом городе.¹⁵⁴

Стоит, однако, отметить политические причины, стоявшие у истоков этого университета. Карл IV был избран на имперский престол в качестве немецкого (точнее, «римско-германского») короля в 1346 г., менее чем за год до основания университета. Он даже еще не успел короноваться как император, более того, этого могло бы и никогда не случиться, учитывая, что

---

¹⁵³ Prahl H. W., Schmidt-Harzbach I. Die Universität: eine Kultur- und Sozialgeschichte. München, 1981. S. 25–27.

¹⁵⁴ Для современного читателя утверждение «первый немецкий университет был открыт в Праге» может звучать парадоксально, и даже как будто нарушать стереотипы чешской национальной истории. Однако следует четко понимать, что здесь, как и далее в книге, прилагательное «немецкий» никогда не употребляется в том самом «национальном» смысле, которого еще просто не существовало в средние века и раннее новое время. «Немецкий» указывает на принадлежность к вышеуказанной территории Священной Римской империи, за которой в средние века закрепилось обозначение Deutschland (Германия). Королевство Богемия было составной частью этой империи, а Карл IV, прежде чем стать императором, уже носил титул богемского, иначе чешского короля. Но значение основанного им университета далеко превосходило рамки самой Богемии, а потому и трактуется здесь как «первый немецкий университет».

против него существовала мощная оппозиция князей во главе с другим кандидатом на трон, Людвигом Баварским. Но за Карлом IV стояла поддержка римского папы, и именно последний в начале 1347 г. издал привилегию, разрешающую своему ставленнику основание университета. Это наводит на мысль, что папа с помощью привилегии хотел помочь Карлу укрепить свою власть, повысить авторитет в Германии. Действительно, привилегия была весьма обширная и разрешала создание полного университета из всех четырех факультетов, хотя в XIV в. папы отказывали большинству университетов в праве открытия высшего, богословского факультета, не желая ослаблять монопольное положение, которое занял здесь Париж.¹⁵⁵

Как видим, первый немецкий университет возник из полного согласия духовной и светской власти, но отдадим должное и самому Карлу IV, который был книжным человеком, посещал Италию и Францию и понимал, какую пользу и славу может принести университет своему суверену. В итоге так и получилось, потому что императору удалось использовать влияние открытого им университета для консолидации своей первоначально весьма слабой власти. Вслед за Карлом эту «пользу» от основания университета увидели и другие имперские князья. По крайней мере, в одном аспекте она была очевидна им всем – отныне не нужно было «отпускать» будущих юристов или священников на дорогостоящую учебу за границу: они могли учиться в своем государстве и, тем самым, оставлять свои деньги на родине.

Политические причины при появлении первых немецких университетов всегда были очень весомыми и зачастую превалировали над отвлеченным желанием «поощрять высшее образование». Так, заметный толчок процессу основания университетов дала церковная схизма 1378–1417 гг., в период которой существовали два (один в Риме, другой в Авиньоне), а затем даже три папы.¹⁵⁶ В империи поддерживали Рим, тогда как во Франции – Авиньон, а это значило, что схизма нарушила традиционные связи Германии с Парижским университетом. Теперь клерики, получившие образование в Париже и вынужденные там признать юрисдикцию авиньонского папы, считались в империи схизматиками и лишались прав на свои церковные должности и сопряженные с ними доходы. В то же время находившийся в Риме папа был более чем когда бы то ни было склонен удовлетворять просьбы светских властей империи, не желая терять сторонников. Так, в 1384 г. папа Урбан VI даровал право на открытие богословского факультета в Вене. Университет был там учрежден еще в 1365 г. племянником Карла IV, герцогом Рудольфом IV Габсбургом, но папа Урбан V, подтверждая это основание, не разрешил по уже упоминавшейся причине открыть в нем богословский факультет.¹⁵⁷ И вот теперь его преемник, нуждавшийся в поддержке Габсбургов, согласился на это. На новый богословский факультет немедленно устремились покинувшие Париж немецкие магистры и доктора, что быстро утвердило его высокий авторитет в империи.

Другой имперский князь, рейнский пфальцграф и курфюрст Рупрехт I, владения которого граничили с Францией, оказался в сложной ситуации, когда французский король направил ему письмо с перечислением аргументов и требованием признать власть авиньонского папы. Курфюрст же решил сохранить верность Риму, но для обоснования своей политической позиции нуждался в ученых доводах, а потому первым в Германии осознал значение подготовки в собственном государстве образованной элиты, представителей которой зачислял на придворную службу и использовал в качестве ученых советников. Первыми среди таких советников были доктора богословия и юриспруденции, получившие образование в Парижском университете и теперь вынужденно его оставившие. Из них, по изданной Рупрехтом I и поддержанной римским папой привилегии, и возник в 1386 г. Гейдельбергский универси-

¹⁵⁵ Boockmann H. Op. cit. S. 75–76.

¹⁵⁶ A History of the University in Europe. Vol. 1. P. 100–101.

¹⁵⁷ В архиве Венского университета сохранился как акт основания Венского университета за подписью Рудольфа IV, направленный для подтверждения в Рим, так и ответная привилегия Урбана V – см.: Mühberger K. Die Universität Wien. Kurze Blicke auf eine lange Geschichte. Wien, 1996. S. 6

тет. Чтобы подчеркнуть свою связь с университетом, курфюрст даже велел похоронить себя в церкви (Stiftskirche), все кафедры которой были переданы университету и заняты его профессорами¹⁵⁸.

При двух следующих основаниях немецких университетов: в 1388 г. в Кельне и в 1392 г. в Эрфурте, как и в случае более позднего основания университета в 1460 г. в Базеле, мы встречаемся с исключениями, когда инициатива учреждения исходила от городских советов. Реализацию инициативы облегчало то, что это были богатые города, с большим количеством церквей, кафедры которых могли быть предоставлены для содержания университетских профессоров. О мотивах основателей лучше всего свидетельствует пример Базеля, где сохранился источник о совещании в ратуше, на котором обсуждались все аргументы «за» и «против».¹⁵⁹ Для города полезно, как было заявлено, во-первых, если сыновья его горожан легче получают доступ к профессиям, требующим высшего образования (должностям адвокатов, врачей, высшим церковным постам). Во-вторых, основанный в 1457 г. в непосредственной близости университет во Фрейбурге в Брейсгау представлялся опасным соперником благополучию Базеля. Доказывалось же это, в-третьих, экономическим расчетом, согласно которому каждый студент приносит в городскую казну в год 20 гульденов, а значит, обучая каждый год около тысячи студентов, Базельский университет будет получать дополнительных 20 тысяч гульденов дохода, что сравнимо с полным годовым бюджетом города.

Экономические аргументы оказались наиболее действенными (хотя впоследствии не оправдались: новый университет не смог собрать такое большое количество студентов из других земель, хотя городские власти, заключая контракты с профессорами, даже включили пункт об обязательствах каждого из них привозить с собой не менее 40 студентов). К ним, впрочем, опять добавились политические аргументы, а именно поддержка нового римского папы, начавшего свою духовную карьеру во время известного Базельского собора 1432–1449 гг. и сохранившего добрые отношения с местными учеными. Церковная политика вмешалась, впрочем, и в основание университета в Эрфурте, привилегию на которое вначале, по просьбе городского совета, в 1379 г. издал авиньонский папа Климент VII, а затем, когда город решил перейти на поддерживаемую всей империей сторону Рима, туда была направлена повторная просьба, которую также удовлетворил уже римский папа Урбан VI¹⁶⁰.

Объединение усилий всех ветвей власти: местного епископа, князя и городского совета вокруг основания университета присутствовало в Ростке в 1419 г. Там появился на свет первый «ганзейский» университет, хотя ничего специфичного в его социальном составе или организации не было. Формальным основателем университета выступал герцог Мекленбургский, просьба которого была удовлетворена привилегией папы римского. Церемонию открытия университета возглавил епископ Шверинский, а сама церемония происходила в главной городской церкви Ростка, в присутствии всех членов городского совета и бургомистра, который наряду с епископом принял участие в выборах первого ректора. Финансирование же профессорских кафедр также на первых порах осуществлял не герцог, а городской совет, до того времени, пока университет не получил в свою пользу достаточные церковные пожертвования (Stiftungen)¹⁶¹.

Ростокский университет быстро занял место ведущего образовательного центра: после упоминавшегося раскола Пражского университета именно сюда переориентировались потоки студентов «саксонской нации», представлявших Северную Европу¹⁶². Главным ареалом его

¹⁵⁸ Boockmann H. Op. cit. S. 99—100

¹⁵⁹ Schubert E. Motive und Probleme deutscher Universitätsgründungen des 15. Jahrhunderts // Beiträge zu Problemen deutscher Universitätsgründungen der frühen Neuzeit / Hrsg. von P. Baumgart und N. Hammerstein. Wolfenbütteler Forschungen 4. Nendeln; Liechtenstein, 1978. S. 27.

¹⁶⁰ Boockmann H. Op. cit. S. 96—97.

¹⁶¹ Schnitzler E. Die Gründung der Universität Rostock 1419 (Mitteldeutsche Forschungen, Bd. 73). Köln; Wien, 1974.

¹⁶² Boockmann H. Op. cit. S. 104.

студенчества были, естественно, ганзейские города. Интересно, что уже в первом столетии своего существования Ростокский университет принял первого из когда-либо известных по источникам студентов из России, некоего Сильвестра Малого из Новгорода, который был имматрикулирован 19 июня 1493 г. – и событие это, хотя и допускает различные интерпретации, все же не так удивительно, памятуя о тесных связях Новгорода этого времени с ганзейским торговым союзом¹⁶³. Вообще, открытие каждого из новых университетов немедленно вызывало студенческий «бум» – сотни новых имматрикуляций, количество которых, правда, с течением времени уменьшалось.

Говоря о пожертвованиях в пользу университетов (прежде всего духовных, в виде капиталов на основание церквей, кафедры которых затем отходили к профессорам), следует выделить основание университета в Грайфсвальде в 1456 г. Здесь впервые в университетской истории мы сталкиваемся с фигурой человека, которого в полной мере можно назвать основателем университета, хотя он не был ни князем, ни епископом. Генрих Рубенов происходил из самой богатой семьи в Грайфсвальде, учился в Ростокомском университете и достиг звания доктора права, после чего в родном городе был избран бургомистром (т. е., по-видимому, первым из дипломированных в Германии докторов смог возглавить свой родной город). Наследник огромного состояния, он, однако, не имел детей. Бюргеры того же ранга, что Рубенов, жертвовали в таком случае свои деньги на основание церкви, но он решил иначе – и подарил своему городу университет, рассматривая, тем самым, этот дар как богоугодное дело, призванное облегчить спасение души.

Именно деятельность Рубенова стояла за всеми шагами, которые привели к основанию университета в Грайфсвальде¹⁶⁴. Рубенов внес необходимую плату за папскую привилегию; выкупил из залога несколько герцогских имений, после чего доходы от них были переданы на финансирование ученой корпорации номинальным основателем университета – померанским герцогом; пожертвовал капитал на оплату шести новых кафедр в городской церкви св. Николая, которая превращалась в *Stiftskirche* и предоставляла, тем самым, места для профессоров; за собственный счет отремонтировал здания, передаваемые городом университету; наконец, оплатил покупку книг на тысячу гульденов, которые затем подарил юридическому факультету. Неудивительно, что после всего этого Рубенова, с полным правом включившего себя в состав юридического факультета, немедленно избрали первым ректором университета. Можно только пожалеть, что в этой должности он оставался недолго. Не все сограждане оценили благородство бургомистра-мецената: спустя три года его прямо в ратуше зарубили топором – как городского «тирана», угрожавшего власти местной олигархии. Основанная им *Stiftskirche*, действительно, стала местом его упокоения, а стены церкви до сих пор украшают заказанные Рубеновым картины, изображающие похороненных там же его друзей – университетских ученых¹⁶⁵.

Следует, наконец, кратко остановиться на еще одном основании, о котором часто говорят, что оно изменило судьбу Германии, и даже всего мира, а именно – Виттенбергском университете. Все в нем, между тем, начиналось вполне традиционно: речь шла о желании очередного курфюрста, на этот раз герцога Саксонского из дома Веттинов, получить свой университет. Строго говоря, Веттины уже основали один университет, Лейпцигский, куда в 1409 г. перешла

¹⁶³ Die Matrikel der Universität Rostok. Bd. 1. 1419—1499. Rostock, 1889. S. 267. Эта запись была обнаружена историком из ГДР Г. Раабом (Raab H. Die Anfänge der slawischen Studien im deutschen Ostseeraum unter besonderer Berücksichtigung von Mecklenburg und Vorpommern // Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität Greifswald. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, Nr. 4/5 (1955/56). S. 359), сделавшим два взаимоисключающих предположения: либо о связи Сильвестра Малого с распространявшейся тогда на Руси т. н. «московско-новгородской ересью», имевшей западные корни, либо о посылке его в Европу архиепископом Новгородским Геннадием в ходе работы над переводом Библии.

¹⁶⁴ Schmidt R. Rostock und Greifswald: die Errichtung von Universitäten im norddeutschen Hanseraum // Beiträge zu Problemen deutscher Universitätsgründungen der frühen Neuzeit. S. 85; см. также Schmidt R. Die Ausstattung der Universität Greifswald durch Herzog Wartislaw IX. und Bürgermeister Heinrich Rubenow // Pommern und Mecklenburg / Hrsg. von R. Schmidt. Köln; Wien, 1982.

¹⁶⁵ Boockmann H. Op. cit. S. 108—110.

значительная часть студентов и профессоров из Праги. Но после династического раздела Саксонии в 1485 г. Лейпциг отошел к так называемой альбертинской ветви Веттинов, тогда как курфюршество принадлежало другой, эрнестинской ветви. Курфюрст Фридрих Мудрый сделал своей резиденцией крошечный городок Виттенберг с всего лишь двумя тысячами жителей, выстроил там замок в ренессансном стиле и новую большую церковь Всех Святых с двенадцатью священническими кафедрами, куда перенес свою самую большую в империи коллекцию реликвий (по позднему подсчету, она предоставляла владельцу отпущение грехов почти на два миллиона лет!). Кафедры этой церкви стали основой для финансирования будущего университета. На его открытие в 1502 г. Фридрих получил привилегию от императора Максимилиана I, а в 1507 г., с некоторым запозданием, последовала привилегия и от римского папы¹⁶⁶. Тот подтвердил передачу университету ряда бенефиций, и в том числе двух мест от августинского монастыря, к которому принадлежал один из главных советников курфюрста, Иоганн фон Штаупиц, учившийся и получивший степень на богословском факультете в Тюбингенском университете. Именно устав последнего был скопирован в Виттенберге, откуда видно, что в нем не было ничего специфически «реформационного»; из Тюбингена же приехали и многие из первых профессоров¹⁶⁷.

В названный августинский монастырь вскоре поступил новый монах, учившийся до этого в Эрфурте. В течение 1508–1509 гг. он занимал место, предназначенное университету, читая лекции по богословию, после чего вновь отправился заканчивать учебу в Эрфурт. Получив там степень доктора богословия, он в 1512 г. вернулся в Виттенберг, где принял теперь должность профессора, оставленную его учителем Иоганном фон Штаупицом.

Монаха-августинца звали Мартин Лютер. В его ученой карьере, опять-таки, нет ничего необычного, за исключением разве что одного момента: все расходы по возведению Лютера в докторскую степень (пятьдесят гульденов) оплатил сам курфюрст, а по возвращении Лютера в Виттенберг зачислил его к себе на придворную службу. В этом сказалась особая заинтересованность в делах университета, который курфюрст по праву считал своим: ведь помимо выделенных бенефиций Фридрих оплачивал еще дюжину университетских кафедр из собственной казны и требовал регулярного отчета, кто из профессоров какие лекции и в течение какого времени читает¹⁶⁸. Виттенберг явился, таким образом, большим шагом в сторону будущего «земельного» университета, в который местные князья вкладывали деньги ради подготовки местной элиты и, соответственно, требовали отдачи от потраченных денег.

Нежелание терять впустую свои пятьдесят гульденов Фридрих впоследствии и доказал, упорно помогая Лютеру избежать папского правосудия и скрывая его в своем замке в Вартбурге. В конечном счете, это первое вложение светской власти в Реформацию приносило свои проценты в течение столетий.

---

¹⁶⁶ Scheible H. Gründung und Ausbau der Universität Wittenberg // Beiträge zu Problemen deutscher Universitätsgründungen der frühen Neuzeit. S. 133—134.

¹⁶⁷ Ibid. S. 135.

¹⁶⁸ Boockmann H. Op. cit. S. 116.

Немецкие университеты и Реформация

XVI век начался с революционных изменений в социальной и духовной жизни общества в Германии, в которых университет принял непосредственное участие. Более сложным, однако, является ответ на вопрос, стала ли Реформация таким же рубежом для самой университетской истории. Если говорить об изменениях в содержании преподавания, которые, несомненно, появились, то их возникновение нужно связывать с более ранним явлением – гуманизмом. В центре этого понятия лежала вполне средневековая идея о том, что задачей университета служит не создание какого-либо нового знания, а передача от поколения к поколению уже найденных истин, традиции. Однако последние должны излагаться в максимально неискаженном, чистом виде, в то время как ошибки, накапливавшиеся веками, препятствуют этому. Поэтому свою цель гуманисты видели в «очищении» знания, которое возможно с помощью разума, в стремлении постичь его первоначальный смысл – отсюда их знаменитый девиз *ad fontes* («к источникам») и большое внимание к наукам философского факультета, которые раньше имели лишь вспомогательное значение – филологии, истории, разработке методов критики текста.

Широкому распространению зародившегося в Италии гуманизма по центральной Европе способствовало недавно изобретенное книгопечатание. Именно оно обеспечило на рубеже XV–XVI вв. появление «летучих листков» – брошюр, выпуск которых почти ничего не стоил их авторам, но который сделал обмен идеями гораздо более быстрым и притом затрагивавшим одновременно большое количество людей. В таких условиях начало Реформации выглядело как продолжение споров немецких университетских гуманистов. Однако многие из них не приняли церковную позицию Лютера, а в свою очередь Лютер не смог воплотить в жизнь предлагавшуюся им гуманистическую реформу Виттенбергского университета¹⁶⁹.

Некоторым образом примирил гуманизм и Реформацию друг и последователь Лютера Филипп Меланхтон. Именно ему удалось перестроить преподавание в Виттенберге, введя туда греческий и еврейский языки, открывавшие путь к источникам в оригинале – текстам Священного Писания и столь почитаемому в средние века Аристотелю. Но не менее важно то, что Меланхтон сохранил при этом все общие формы средневекового университета: ни закрепление профессоров по кафедрам, ни факультетская структура, ни значение экзаменов и производства в ученые степени, ни сами университетские привилегии, хоть и дарованные некогда римским папой, авторитет которого был теперь низвержен, не ставились под вопрос (это происходило, впрочем, в более радикальных течениях Реформации, которые в итоге потерпели поражение¹⁷⁰). Так, средневековый университет в своей основе смог пережить Реформацию. А поскольку впоследствии на Виттенберг как на образец ориентировались новые основания протестантских университетов, то они также перенимали статус и привилегии, коренившиеся в отрицаемой ими же церковной иерархии.¹⁷¹

Впрочем, в перспективе Реформация все же дала толчок серьезным изменениям в университетах. Социальные процессы, приведенные в движение Реформацией, привели к далеко идущим последствиям, которых не предполагали ее отцы. Лютер боролся вовсе не за постройку «нового мира», а за реформу своей собственной церкви, желая сохранить или даже усилить ее традиционное положение в обществе. Но на деле Реформация привела к значительному сужению сферы церковной компетенции, и, прежде всего, отступлению церкви из образовательной сферы.

---

¹⁶⁹ Boockmann H. Op. cit. S. 148—149.

¹⁷⁰ Weber W. Geschichte der europäischen Universität. Stuttgart, 2002. S. 75.

¹⁷¹ Müller R. A. Op. cit. S. 52—55.

Теснейшая связь университетов с церковью, существовавшая с момента их возникновения, постепенно значительно ослабла, и это отразилось на всех сторонах университетской жизни. Так, на повседневном уровне церковный обиход университета в его ранней истории составляли совместные литургии, молебны, общие трапезы, общежитийные порядки замкнутого общества, роднившие университеты с монастырями. В послереформационное время в качестве общежития распространились т. н. *бурсы* (от *лат.* – кошелек), за проживание в которых студенты сами вносили деньги, а порядки там были далеки от монастырских, и недаром бурсаческий разгул, определенный «вольный» тип поведения в студенческих корпорациях (*Burschenschaft*) вскоре стал синонимом понятия немецкого студента.¹⁷² Более цивилизованными формами проживания студентов являлись найм квартир в городах и совместные обеды в трактирах, об учреждении которых заботился сам университет. Впрочем, право студента на свободный поиск квартиры появилось довольно поздно и относится ко времени попыток привлечения в университеты студентов из благородного сословия, т. е. не ранее конца XVII в.¹⁷³ Оно лишний раз подчеркивало разрушение прежнего единства университетской корпорации: теперь студенты могли быть во много раз богаче профессоров, которые, получая явно недостаточное жалование от университета, стремились сдавать студентам комнаты, вести с ними частные занятия и любым другим способом зарабатывать на жизнь. Это оказывалось тем сложнее, что в протестантских университетах профессора получили право жениться (что раньше им, как священникам или монахам, естественно, было невозможно) и должны были содержать семью, подчас довольно многочисленную.

В научном отношении ослабление связи университета с церковью выразилось в неуклонно падающей роли богословского факультета в сравнении с другими преподаваемыми науками. Уже гуманистическое течение выдвинуло на первый план в университетах историко-филологические предметы. В XVII в. вперед выступила математика, а вслед за ней другие естественные науки, развитие которых было сопряжено с экспериментальным методом. На медицинском факультете появился анатомический театр (вначале за пределами Германии – 1594/95 в Падуе, 1597 в Лейдене, но затем и в немецких университетах), игравший для образования медиков не меньшую роль, чем библиотека для филологов,¹⁷⁴ и, например, блестящим применением нового метода в медицине явилась деятельность Г. Бургааве в Лейденском университете, к ученикам которого относили себя потом многие немецкие профессора. В университетах начали преподавать начатки современной физики, химии, астрономии. Наконец, одним из важнейших научных событий явилась смена схоластики на рациональную философию, блестяще произведенная на рубеже XVII–XVIII вв. в трудах выдающегося немецкого просветителя и университетского профессора Христиана Вольфа.¹⁷⁵

Схоластический метод являлся стержнем преподавания в средневековом университете. Кульминацией его применения служил *диспут*, понимаемый не как род интеллектуального состязания, но как наивысшая форма обучения. На факультетском диспуте присутствовали все магистры, роли между ними были распределены заранее и подготовлены тезис, антитезис, аргументы *pro et contra*, наконец, рассуждения, ведущие к подтверждению одних и опровержению других аргументов – все опираясь на должные авторитеты и догмы. Студентам на диспуте отводилась роль слушателей, наблюдавших процесс выявления истины, которая уже существует, уже дана в трудах предшественников, но требует только должного к ней подхода.¹⁷⁶

---

¹⁷² Prahl H. W., Schmidt-Harzbach I. Op. cit. S. 30–32.

¹⁷³ Ibid. S. 60.

¹⁷⁴ Weber W. Op. cit. S. 102.

¹⁷⁵ Ellwein Th. Op. cit. S. 40.

¹⁷⁶ Ellwein Th. Op. cit. S. 37–38.

Со схоластическим методом тесно соотносилась и основная форма университетского преподавания — *лекция*, целью которой, как следовало из названия, было чтение, устная передача готового знания для последующей буквальной записи студентами.¹⁷⁷ Такой лекция была в средние века, такой она осталась и после Реформации, хотя уже в XVII в. профессора, читавшие тридцать-сорок лет по одним и тем же тетрадкам, вызывали насмешки студентов. Это было закономерно, поскольку с развитием книгопечатания появлялось все больше учебных книг, а следовательно, функция лекции должна была измениться – из единственного источника знания она должна была превратиться в состязание между напечатанным и произносимым словом. Христиан Вольф был первым, кто перешел к чтению импровизированных лекций, без предварительного текста, и справлялся с этим блестяще, срывая овации студентов, хотя у новичков это вызывало желание немедленно фиксировать каждое слово, каждый жест профессора (один из студентов в своем конспекте после конца фразы указал – «здесь господин профессор улыбнулся»)¹⁷⁸.

Но главное, к чему призывал Вольф, – это очистить науку от догм, предрассудков и прочих предвзятых мнений, доказать, что любое утверждение может быть проверено путем разума, исходя из основных определений и логических правил вывода умозаключений (недаром идеальной наукой в представлении Вольфа являлась основанная как раз на этих принципах математика).¹⁷⁹ С исчезновением научных догм, незыблемых авторитетов задачей ученого становилось задавать все новые вопросы и пытаться на них отвечать. Так постепенно, но вполне неизбежно в протестантских университетах происходил переход от передачи знания к его *поиску*.

---

¹⁷⁷ A History of the University in Europe. Vol. 2. P. 144.

¹⁷⁸ Pütter J. S. Selbstbiographie zur dankbaren Jubelfeier seiner 50-jährigen Professorsstelle zu Göttingen. Göttingen, 1798. Bd. 1. S. 28.

¹⁷⁹ Mühlpfordt G. Christian Wolff, ein Bahnbrecher der Aufklärung // 450 Jahre Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Halle, 1952. Bd. 2. S. 32.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.